

ОДНО ИЗ СТИЛЕВЫХ ТЕЧЕНИЙ
РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII—НАЧАЛА XVIII в.
И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ КНИЖНИК ФЕДОР ЗЛОБИН

Литературная продукция книжных центров Древней Руси может изучаться и в аспекте, предлагаемом в настоящей статье. Наша задача состоит в том, чтобы, доказав стилевое единство группы анонимных произведений конца XVII—начала XVIII в., частично связанной с определенным регионом, предпринять попытку атрибуции ее малоизвестному провинциальному книжнику.

1. ОРГАНИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛА

Мы начнем с выдвижения гипотезы о принадлежности группы текстов одному автору. По своему составу она неоднородна. Внутри группы можно выделить своего рода ядро — комплекс произведений, близость которых может быть обоснована с помощью наблюдений не только над стилем и идеологией (они служили поводом для привлечения к анализу остальных повестей), но также па-леографических и кодикологических.

Речь идет прежде всего о нескольких текстах в рукописи ГПБ, собр. ОЛДП, Q.155 (далее — Сборник ОЛДП). Это, во-первых, один из двух известных в настоящее время списков Третьей редакции (по классификации В. Ф. Ржиги)¹ «Повести о Петре и Февронии», изданной Р. П. Дмитриевой² (далее — ЗПиФ.; л. 167—179, об.).

Сравнительно недавно в Сборнике ОЛДП была найдена принадлежащая этому же автору историко-фантастическая «Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне» (далее — Мар. Тем.; л. 204—219),³ предваряемая семантически и тексту-

¹ Ржига В. Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма // Летопись заятий Археографической комиссии. Л., 1926. Т. 33. С. 138—143.

² Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979. С. 287—298. Далее текст цитируется по этому изданию.

³ Росовецкий С. К. Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. М., 1976. С. 31—37. Далее текст цитируется по этому изданию. См. также: Памятники литературы Древней Руси: XVII в. М., 1989. Кн. 2. С. 5—15 (далее — ПЛДР). О стилистической близости ЗПиФ. и Мар. Тем. см. также: Дмитриева Р. П. Указ. соч. С. 136—137.

ально связанным с нею летописчиком (далее — Лет.; л. 202—204). Теперь мы считаем возможным присоединить к ним «Повесть о Димитрии Римском» (далее — Дим.), один из трех списков которой читается здесь же (л. 180, об.—183),⁴ а также сокращенную версию «Сказания о Спасовом образе» (далее — Сп. об.; два списка — л. 178, об.—179, 201, об.—202).⁵

Несколько лет тому назад автору этих строк довелось просматривать в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) рукописи из собрания Е. И. Якушкина (ф. 279). Под шифром оп. 1, д. 983 в фонде числится ветхий, без начала и конца скорописный сборник начала XVIII в. на 169 л. (далее — Сборник Якушкина). Он переписан теми же двумя сменяющимися друг друга скорописными почерками, что и основная часть Сборника ОЛДП, включающая произведения нашего книжника. В составе Сборника Якушкина также обнаружено произведение, которое по стилистическим приметам можно атрибутировать нашему книжнику. Это редакция-пересказ главы 50-й второго перевода «Великого Зеркала», восходящей к новелле из «Золотой легенды» Якопо де Варацца (л. 122—124, начало утрачено).⁶ При этом исходный текст этой переделки, названной нами условно «Повесть о епископе, девице и страннике», читается в Сборнике ОЛДП (л. 54, об.—58), а в Сборнике Якушкина находим список «Сербской Александрии», которая послужила для нашего автора щедрым источником повествовательных мотивов и атрибутов, а также стилистических формул.

Хотя обе рукописи, судя по водяным знакам, относятся к первой трети XVIII в., в их составе нет явных отголосков Петровского времени.⁷ О том, что помещенные в них списки произведений

⁴ Впервые данный список привлечен к изучению этой повести Е. К. Ромодановской. См.: *Ромодановская Е. К.* «Повесть о Димитрии Римском» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 218—222.

⁵ Текст цитируется по второму списку. Об этой повести см.: *Брюсова В. Г.* Фреска Вседержителя новгородской Софии и легенда о Спасовом образе // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 57—64.

⁶ Эта глава «Великого Зеркала» иногда переписывалась отдельно. См., например: ГБЛ, собр. Ундольского, № 657, XVIII в., л. 194—201.

⁷ Описание Сборника ОЛДП см.: *Лопарев Х. М.* Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности. СПб, 1893. Ч. 2. С. 225—229. Сборник Якушкина, согласно первоначальной буквенной пагинации, составлял часть рукописи, содержащей более 309 л. Сейчас в нем 167 л. Состав: л. 1—34 — «Хождение Трифона Коробейникова» (без начала и конца); л. 34, об. — заговор «на кровь» (позднейшим почерком); л. 35—120 — «Сказание и хождение самодержца Александра царя великия Македонии, наказание храбрым ныняшняго времени» (нач.: «Аще кто хочет послушати. . .»); л. 120, об.—121 — Летописные записи о событиях в Ярославле 1737—1763 гг. (позднейшим почерком); л. 122—124 — «Повесть о епископе, девице и страннике» нач.: «. . . идеже бы во благоговении и в молитве сокровеннаго молчания. . .»; л. 125—128, об. — «Мисяца (так!) мая в 19 день. Слово иже во святых отца нашего Агапия, чего ради оставляют человеци род свой, жены и дети, и вземше крест Христов, вслед Христа грядут, яко же святое Евангелие глаголет» (нач.: «Агапий, отец наш, измлада нача Бога боятися. . .»). Апокрифическое Житие Агапия, без конца, утраченного еще до первого (со старой буквенной пагинацией) переплета

нашего анонима не являются его автографами, свидетельствуют, в частности, ошибочные разделения на слова: «в аград» вместо «во град», «Свяжскаго рода» вместо «Свяжска-города» («Повесть о женитьбе. . .»), а также такая ошибка, как «завесть» вместо «да весть» («Повесть о епископе. . .»). Кроме того, Сборник ОЛДП и в компоновке статей обнаруживает определенную вторичность: одним из двух основных почерков рукописи здесь дважды, как уже отмечалось, воспроизведена *Сп. об.*, при этом в первый раз — сразу после *ЗПиФ.* (далее, после тематически и формально связанного и со *Сп. об.*, и с *Дим.* списка «Слова о чудотворном видении Спасова образа, како явися царю Мануилу греческому, еже иерея оскорби царь», следует *Дим.*), а во второй — непосредственно перед *Лет.* Следовательно, в протографе сборника произведения, приписываемые нами одному книжнику, были расположены весьма компактно: *ЗПиФ.*, *Сп. об.*, «Слово о Мануиле. . .», *Дим.*, *Лет.*, *Мар. Тем.*

Все это позволяет прийти к выводу о том, что большинство статей Сборника ОЛДП и переписанный теми же двумя почерками Сборник Якушкина воспроизводят часть принадлежащего анонимному автору *Мар. Тем.* собрания тетрадей и рукописных книг, так или иначе связанного с его литературной деятельностью. Такое собрание мы предлагаем называть «архивом-библиотекой». У нашего книжника она, как о том можно судить по ее отражениям в указанных сборниках, состояла, во-первых, из автографов

сборника; л. 129—136, об. — Собрание духовных песен, не разделенных на стихи, без указания авторов и без нот: «Ангельску (*в ркп. нет первой буквы: оставлено место для инициала*) днесь вси радость. . .» Германа; «Чистая дева, царице Марие. . .» Епифания Славинецкого; «О прекрасная пустыни. . .»; «Сам я не знаю, як на свѣте жити. . .» (нравственно-моралистическая, в конце обращение к Богородице); «Уже ты лишаюся 2-жды, сладкое мое чадо. . .»; «В день Христова рождения веселимся здѣ. . .»; «Посмотри ш ты, человече. . .» (рождественская); «Тебѣ, Божия мати, прибѣгаю. . .»; «Уступай (*ошибочно добавлено в*) ночи, Свѣтлости очи. . .»; «О девице пречистая, Мати благословенная. . .» Епифания Славинецкого; «Господь (*в ркп. ошибочно государи*) мои, ярьсть твою. . .» (Псалом 37-й, только начало); «Блажени, им же грехи отпустиша. . .» (Псалом 31-й, в переложении, как и предыдущий, Симеона Полоцкого); «Аз емь двѣтъ полный. . .» (отрывок из Песни песней); «Царю небесный, златым венцем славы. . .» (Возможно, старообрядческий, см. стих «Враг мраконосный гонит нашу веру»); «Исус (*так!*) крыжеванный, Ты еси наш царь выбранный. . .»; «Веселия день Успения днесь. . .»; «Похвалу принесу сладкому Исусу (*так!*). . .» Дмитрия Ростовского; «Послушайте, что ся стало. . .» (рождественская); «Аггел пастырем мовил. . .»; л. 137 — чистый, с записью XIX в.: «О Саровской пустыни. . .»; л. 138—167 — Список сочинений И. С. Пересветова, близкий к Олонецкому изводу Полной редакции (по классификации А. А. Зимина), в отрывках, с перепутанными листами (нач.: «Властвуощу турки безбожному Магмету. . .»). Список занимает собственно л. 138—160 и 161—167, при этом конец его при последнем переплете оказался на л. 160, на обороте которого читается начало следующей статьи «Цария царствующи в Константинограде, православно иже и еретицы». 137-й, переплетный лист имеет водяной знак с буквами «СМСЯ» и датой «1739», остальные филигранные рукописи (Герб Амстердама с контрамарками «СМ», «СМГ»; петух в картуше и шут с горбом и двенадцатью бубенцами) не имеют близких аналогий в альбомах.

его сочинений, во-вторых — из исходных текстов его редакций произведений других авторов, в-третьих — из сочинений, которые были для него образцами для подражания, в-четвертых — из тех текстов, которые он хотел иметь под рукой просто как читатель.

Остальные произведения, как уже отмечалось, привлечены к анализу на основании текстуального и иного сходства с произведениями «ядерной» группы. В результате перечень привлеченных для исследования текстов принимает следующий вид:

Оригинальные произведения:

1) **Мар. Тем.**; 2) **Дим.**; ⁸ 3) «Слово о судьбах божиих» (ГИМ, собр. Забелина, № 510, первой половины XVIII в., л. 14—17; ⁹ далее — **Судьб.**); 4) «Повесть о королевиче Валтасаре» (ГБЛ, собр. Пискарева, ф. 607, № 172, XVII—XVIII вв., л. 617—628; ¹⁰ далее — **Валт.**); 5) «Повесть об ангеле, послушавшемся Бога» (ГПБ, собр. Буслаева, Q.I.1161, 1728 г., л. 382—398; ¹¹ далее — **Анг.**); 6) «Повесть о Василии Златовласом» (ГПБ, собр. Погодина, № 1603, л. 168—217; ¹² далее — **Вас.**).

Редакции:

1) **ЗПиФ**; 2) **Сп. об.**; 3) **Лет.**; 4) «Повесть о епископе, девице и страннике» (далее — **Еписк.**); 5) Книжная редакция «Повести о царе Аггее» (ГИМ, собр. Забелина, № 510, л. 11—14; ¹³ далее — **Агг.**); 6) Дидактическая редакция «Повести об Апполонии Тирском» (ГБЛ, собр. Беляева, № 12 (1518), вторая половина

⁸ Цит. по: *Ромодановская Е. К.* Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск. 1985. С. 361—363.

⁹ Цит. по: *Ромодановская Е. К.* Неизвестная повесть-сказка в рукописном сборнике XVIII в. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 239—241.

¹⁰ *Пиксанов Н. К.* Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 86—92. И. Н. Жданов видел в **Валт.** повесть «переводную, занесенную с Запада», но в то же время носящую «ясные следы русской обработки» (*Жданов И. Н.* Соч. СПб., 1904. Т. 1. С. 847—848). Н. Ф. Дроблецькова называет ее «русифицированным переводом западноевропейской переработки восточных сказаний о женской неверности и лукавстве» (Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 45). Между тем отсутствие западного оригинала и выявленные И. Н. Ждановым замечательные параллели с русской сказкой и былинной делают его аргументы в пользу переводного характера **Валт.** («упоминаются крали, королевичи, рыцари, жена Валтасара носит имя Фларента и пр.») весьма уязвимыми. В самом деле, русским книжникам второй половины XVII в. по переводным западным сборникам были хорошо знакомы «крали королевичи, рыцари». Например, и первые, и вторые, и третьи фигурируют в «Повести о семи мудрецах», а в одной из ее новелл — об Александре и Лодвике — героиня носит имя «Фларента прекрасная» (ПЛДР: XVII век. 1988. Кн. 1. С. 258 и др.).

¹¹ Цит. по: *Демкова Н. С., Семякина З. П.* Повесть об ангеле, послушавшемся Бога // Русская литература на рубеже двух эпох: (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 149—159.

¹² Цит. по: ПЛДР. XVII век. Кн. 1. С. 389—406 (подготовка текста В. П. Бударягина).

¹³ Цит. по: *Ромодановская Е. К.* Повести о гордом царе. . . . С. 324—327.

XVII в.;¹⁴ далее — **Ап. Тир.**); 7) Распространенная редакция «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» (ГПБ, собр. Погодина, № 1603, л. 219, об.—281;¹⁵ далее — **Сол.**); 8) «Повесть о купце Григории» (ГБЛ, собр. Большакова, № 314, первая четверть XVIII в., л. 612—618;¹⁶ далее — **Григ.**); 9) Печатная редакция «Троянской истории» Гвидо де Колумна¹⁷ (далее — **Троян.**).

Избранные нами издания и списки различаются по степени достоверности отражения в них авторских текстов. С этой точки зрения наиболее надежны **Мар. Тем., Дим., ЗПиФ., Сп. об., Лет., Еписк.**, тексты которых, как полагаем, восходят непосредственно к «архиву-библиотеке» их автора, а переписчик, хотя и делал иногда ошибки, зато, как это показывает сличение **ЗПиФ.** с обнаруженным И. Н. Позднеевой вторым списком этой редакции (собр. МГУ, № 5.Qi.8085),¹⁸ а также двух списков **Сп. об.**, не стремился творчески переосмысливать текст. Высокое качество текста в этой группе списков может быть продемонстрировано и одним из эпизодов истории изучения **Дим.**: Е. К. Ромодановская, вначале полагавшая список в Сборнике ОЛДП вторичным, сейчас рассматривает его как «наиболее близкий авторскому вид Повести».¹⁹

Судьб. и **Агг.** изданы по спискам в сборнике ГИМ, собр. Забелина, № 510, который обнаруживает значительную типологическую близость к Сборнику ОЛДП и, судя, по записям,²⁰ в XVIII—XIX вв. имел хождение в сходных кругах демократических читателей. При этом список **Судьб.** — единственный, в настоящее время известный, а качество списка **Агг.** характеризует выбор его Е. К. Ромодановской как основного текста для издания первичного, Краткого варианта Книжной редакции.

¹⁴ Цит. по: ПЛДР. XVII век. Кн. 1. С. 407—426 (подготовка текста Л. В. Соколовой).

¹⁵ Цит. по: *Тимова Л. В.* Неизданная редакция «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 344—363.

¹⁶ Цит. по: ПЛДР: XVII век. Кн. 1. С. 95—97. Не можем согласиться с Е. К. Ромодановской, что эта переделка русского перевода одного из «прикладов» «Римских деяний» (далее — **РД.**) привела «к созданию оригинальной русской повести на международный сюжет с заранее заданными элементами повествования» (там же. С. 612; курсив мой. — С. Р.).

¹⁷ Цит. по: История о разорении Трои <...> против первого издания третьим тиснением напечатана. СПб., 1745. Фактически это четвертое издание. По наблюдениям О. В. Творогова, издания XVIII в. повторяют первое, 1709 г., «с незначительными лексическими поновлениями» (*Творогов О. В.* Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г. // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 69). О. В. Творогов отмечает, что «рукописных списков этой редакции, предшествующих изданию, пока не обнаружено» (там же. С. 66).

¹⁸ Чтения этого списка учтены Р. П. Дмитриевой в указанном выше издании **ЗПиФ.**

¹⁹ *Ромодановская Е. К.* Повести о гордом царе. . . С. 236. Ср.: *Ромодановская Е. К.* «Повесть о Дмитрии Римском». С. 219—220.

²⁰ См.: *Ромодановская Е. К.* Неизвестная повесть-сказка. . . С. 235.

Валт. напечатан по одному из двух известных списков; второй (собр. Забелина, № 72) не изучен. **Ап. Тир.** и **Григ.** изданы по лучшим из сохранившихся списков этих переделок новелл из **РД.**

Вас. и **Сол.** изданы по сборнику ГПБ, собр. Погодина, № 1603 и представляют собой материал, для наших целей наименее достоверный: редактор повестей в этом сборнике достаточно серьезно перерабатывал свои источники. Так, Н. С. Демкова и З. П. Семякина показывают, что он значительно сократил и переделал первоначальную, по их мнению, редакцию **Анг.**²¹ В то же время **Вас.** В. П. Бударрагин определяет как Распространенную редакцию повести, тексты же в семи остальных известных ему списках относит ко **Краткой**, при этом, по наблюдениям исследователя, «каждая редакция самостоятельно восходит к архетипу».²²

Сделанные здесь оговорки касаются в первую очередь стиля привлекаемых текстов. Отметим также, что в редакциях, которые мы согласно условиям рабочей гипотезы считаем принадлежащими нашему книжнику, будет учитываться только непосредственно им привнесенное, обращения же к повествовательному материалу, перенесенному им из оригинала в свою редакцию, будем специально оговаривать.

2. ВОССОЗДАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ГИПОТЕТИЧЕСКОГО АВТОРА РАССМАТРИВАЕМОЙ ГРУППЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

При ближайшем рассмотрении произведения, привлеченные нами к изучению, производят впечатление единого комплекса, объединенного одним и тем же мировоззрением и художественным видением действительности, характером историзма, использованием одних и тех же литературных образцов и источников, близостью повествовательных структур, единством стилистики. Иными словами, в каждом из произведений (в первую очередь, конечно, повестей) отразился целостный, построенный по своим внутренним законам художественный мир.

Единство этого особого мира, созданного творческим воображением нашего книжника, обеспечивается прежде всего единством воплощенных здесь мировоззренческих установок. В двух словах их можно определить как наивный монархизм, христианский провиденциализм, эстетизация исторического прошлого — отечественного и мирового. Свои мечты об идеальных государях, живущих в идиллическом союзе с церковью, прекрасных царевнах и королевичах, окруженных бытом сказочной красоты и роскоши, писатель сублимирует в формах весьма условных — если даже исходить из уровня исторических, географических, этнографических познаний его эпохи.

²¹ Демкова Н. С., Семякина З. П. Указ. соч. С. 132—137.

²² Бударрагин В. П. Краткая редакция Повести о Василии Златовла-
сом // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 199.

Возникающая в повестях нашего книжника атмосфера волшебной сказки вызвала, естественно, диффузию определенных приемов ее построения;²³ отразились здесь и некоторые особенности структуры античного романа,²⁴ знакомые ему в первую очередь по «Александрии» и переводным житиям, не говоря уже о романе об Аполлонии Тирском. «Натуралистическая» струя в его творчестве связана, как увидим, с воздействием уже западной беллетристики. С другой стороны, рассматриваемые повести представляют собой настоящее царство литературного этикета. Это обусловлено — помимо квазимонархических убеждений автора — его принципиальным отказом, несмотря на использование фольклорной сюжеттики, от обращений к фольклорному стилю; словесный облик его произведений подчеркнуто архаичен²⁵ и уже в силу этого неизбежно этикетен.

Описание созданного нашим книжником художественного мира начнем с его пространственных и временных координат.

Одна из основных особенностей художественного пространства рассматриваемой группы повестей совпадает с присущей былинам и увиденной в свое время В. В. Стасовым. Если в былинах (за исключением былин о Садко) действие происходит только на земле, то и здесь герои не поднимаются на небо и не спускаются под землю: когда с ними вступают в общение небожители, те спускаются к ним с небес и, выполнив свою функцию, туда возвращаются. При этом исчезновение небесных гостей выглядит более ярким, чем появление, хотя и используются житийные формулы: ангел «в молнию преложися», далее это выражение повторено с добавлением «и взыде на небеса» (Анг., с. 153, 157); в Анг. иной ангел «претворися во пламень и взвися на небо» (с. 327); в ЗПиФ. уже змей «претворися во пламень огнен» (с. 288); формула «и невидим бысть» воспроизведена в Дим. (с. 363), Анг. (с. 153) и Сол. (с. 351).

На земной поверхности действие оригинальных повестей нашего книжника локализуется в России (Мар. Тем.), Чехии и Франции (Вас.), в Риме (Дим.), в «неких», но, по-видимому, западных странах и царствах (Валт.), на Ближнем Востоке (Анг.).

По степени достоверности отраженных в них географических представлений тексты делятся на две группы: в Мар. Тем. они достоверны, в других повестях — нет, при этом географические названия часто попросту вымышлены. Исследователи Вас. неоднократно обращали внимание на то, что ее герой из Чехии во Францию плывет по морю; в Сол. между Иерусалимом и «Индией бога-

²³ См.: *Пропп В. Я.* Морфология сказки. 2-е изд. Л., 1969.

²⁴ См., в частности: *Базтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 236—280.

²⁵ Автор Ап. Тир., согласно наблюдениям В. К. Соколовой, «пересказывает повесть церковнославянским языком, языком „высокой“, церковной литературы» (*Соколова В. К.* Две русские редакции XVII века Повести об Аполлонии Тирском // ТОДРЛ. 1979. Т. 34. С. 316. Речь идет, конечно, о стилиевой установке).

той» курсируют корабли, а поиски града Авилимистра и Агалимской страны (Анг.) на карте были бы напрасны. Отмеченное соотношение между **Мар. Тем.** и другими повестями объясняется не только малообразованностью книжника XVII в., но и, как можно думать, довлевшей над ним устнопоэтической традицией: примерно в таком же соотношении находятся географические представления исторической песни и предания, с одной стороны, и сказки, духовного стиха, баллады — с другой.

Отметим также, что иноземные места действия автор заметно русифицирует. Так, в **Анг.** жена боярина, убитого сарацинами, спасается «в пустыя леса», повар собирает «дрова по пустыни». Между гибелью войска и появлением на месте сражения «царева посланного воеводы» проходит 40 дней, хотя воевода и «поиде скоро» (с. 150). Автор явно ориентировался здесь на огромные российские расстояния. В **Сол.** и **Дим.** сцены крестьянской жизни — древнееврейской и «римской» — показаны в интерьере русской крестьянской усадьбы. В. П. Бударагин обратил внимание на то, что королева Полиместра следила за игрой Василия Златовласого «из тайного места», что соответствует, конечно же, не французскому, а русскому придворному обычаю XVII в.²⁶

На иноземные страны переносятся русские «геополитические» обозначения. В **Мар. Тем.** гонцы Шихалея прибегают «в царствующи град Москву» (с. 32), в **ЗПиФ.** наш автор уточняет, что Муром находится «во области царствующаго града Москвы» (с. 287), однако и в **Судьб.** царевна оказалась «в царствующем граде среди людей на кулице» (с. 240), а Приам отстраивает «царствующий свой град» (**Троян.**, с. 49)

Что же касается художественного времени, то и здесь **Мар. Тем.**, а также связанный с нею **Лет.** противостоят другим произведениям изучаемого комплекса. При этом разграничение опять напоминает различие между фольклорными жанрами — исторической песней, где, по наблюдениям Ф. М. Селиванова, встречаются и «даты», хотя «дата может быть и не точной, важен сам принцип восприятия в настоящем того же продолжающегося времени, о котором песня повествует»,²⁷ и сказкой, для художественного времени которой характерны условность и замкнутость.²⁸

Итак, позицию наибольшей «историчности» занимает **Лет.**, где даты просто неточны, затем идет **Мар. Тем.**, в которой даты вымышлены и основные события приурочены либо к церковным праздникам, либо к дням памяти одноименных с героями персонажей христианской мифологии (то же в **Дим.**); кроме того, указания интервалов между событиями выглядят правдоподобно и подтверждают впечатление о стройности созданной автором системы художественного времени. Далее на нашей шкале располагается

²⁶ Бударагин В. П. Указ. соч. С. 196—197.

²⁷ Селиванов Ф. М. О специфике исторической песни // Специфика фольклорных жанров. М., 1973. С. 63.

²⁸ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 225—228.

ЗПиФ., которая начинается словом «Есть. . .», а о первом из упомянутых персонажей повести, князе Павле, сказано, что он «бе в древних временах живый», чем создается определенная историческая перспектива. Сходное выражение («Бысть в древние лета. . .») встречаем в зачине **Вас.**, все же остальные из сохранившихся начало повести ограничиваются начальным «Бысть. . .», вполне соответствующим сказочному зачину «Жил-был. . .».

Что же касается внутрисюжетного времени, то его жесткой организации в **Мар. Тем.**, попыткам его упорядочения в **Сол.** этапами взросления Соломона, каждый в «три года», другие повести отвечают, пользуясь удачным выражением В. П. Бударagina, насыщением «условно-временными формулами»,²⁹ вполне, добавим, трафаретными.

Отметим, однако, традиционно-сказочное «Наутрие (я)» (**Мар. Тем.**, **Анг.**, **Вас.**, **ЗПиФ.**, **Агг.**, **Сол.**, **Троян.**); то же происхождение имеют и троичные формулы: «Три дни и три ночи не почиваху» (**Анг.**, с. 156), «не вкусив хлеба 3 дни и 3 нощи» (**Дим.**, с. 362), «и плы< . . >три дни и три нощи» (**Ап. Тир.**, с. 411). Попытки конкретизировать длительность событий также вызывают сходные формулировки: «поживе < . . > год и месяц 6» (**Мар. Тем.**, с. 37), «постися три лета и месяц шесть» (**Сол.**, с. 350), «а от крещения господня до вознесения < . . > 6 лета и месяц пять» (**Лет.**, л. 202, об.); «близь годишнаго времени» (**Валт.**, с. 91; **Ап. Тир.**, с. 414).

Сходно обозначается и наступление времени исполнения какого-то поручения, действия: «Госпоже царице! Время сотворити повеленная нам!» (**Мар. Тем.**, с. 33); «Время уже мне возвратиться к пославшему мя» (**Агг.**, с. 327); «Царю! Время ми итти в своя царская сокровища» (**Валт.**, с. 89); «Час ми есть изыти < . . > ко златорунного овна зысканию» (**Троян.**, с. 24).

В двух текстах возникает одна и та же формула границы возникновения определенного состояния, отношения: «И от того времени царь девицу имея в великой чести. . .» (**Судьб.**, с. 240); «И от того времени велможие и сановници ко святым велию любовь и веру держаста» (**ЗПиФ.**, с. 297).

Достаточно нетрадиционно звучит в беллетристических текстах приказное речение: «И в скорих числах построил. . .» (**Вас.**, с. 397); «В кое число аз сундук вскрою. . .» (**Сол.**, с. 360).

Обращения к будущему связаны, как правило, с мыслью о грядущей славе описываемого деяния: «так архиепископ Гурий повеле сотворити во удивление прежде будущим родом» (**Мар. Тем.**, с. 35); «чюдо вперед будущим в жизни сей», «человеческому роду на славу и хвалу, в память будущим» (**Анг.**, с. 158); «будет слава во веки со окрестных стран» (**Сол.**, 360).

Обратимся теперь к некоторым общим закономерностям организации повествования в сопоставляемых текстах. Возвратимся

²⁹ Бударagina В. П. Указ. соч. С. 195 (речь идет о **Вас.**).

в начале еще раз к инициальным формулам: «Бысть царь неки, славен и богат зело, кипяще богатством многим. . .» (Судьб.); «Бысть в некоей стране град велик и славен зело, и в том граде бысть царь велми богат и славен» (Валт.); «Царь бысть во Африкии именован Асириан. . .» (Анг.); «Бысть < . . . > король именован Мстислав, зело благоденствен и богат, и славен. . .» (Вас.); «Бысть некий царь именован Агей, богат зело и славен. . .» (Агг.); «Бысть во граде Риме человек купеческий именован Григорий, имея богатство мьного» (Григ.); «Бысть во граде Иерусалиме царь великий именован Давид. . .» (Сол.). Как легко убедиться, в большинстве зачинов обнаруживается соответствие сказочному начальному состоянию «особого, иногда подчеркнутого благополучия»,³⁰ которое усиливает значимость последующей «недостачи». Последняя тут же возникает и в наших текстах, причем в двух из них, как и в ряде сказочных сюжетов, это бездетность.

Судьб.

. . . детей не бысть у него. И о том всегда моляся богу с супругою своею, дабы им поведал плод чрева. И услыша милосердый бог молитву их — пода им плод — дочь родяся (с. 239).

Сол.

И не бысть у него чадородия: ни сына, ни дщери. И молился царь Давид господу богу Саваофу, чтобы ему бог подаровал детище < . . . > с царицею своею Вирсавиею. И услыша бог молитву их царя Давида, и зача жена его Вирсавия во чреве своем сына (с. 345).

Структурное соответствие функции «недостачи» присутствует во всех оригинальных текстах нашего книжника, в том числе и в тех, в которых не использован традиционный его зачин: Ивану Грозному необходимо Астраханское царство, Димитрию — уверенность в вечности состояния богатства и славы, Асириану — контроль над неким «градом». Иное дело, что здесь эта функция приобретает более обобщенный характер, а заключительное восполнение «недостачи» не всегда присутствует. Волшебная сказка, как правило, заканчивается женитьбой и воцарением героя. В этом отношении полное соответствие сказке наблюдается только в Вас., а в Мар. Тем. за свадьбой и воцарением героя следует трагический финал. В Сол. сказочному канону соответствует только вторая свадьба Соломона, тут же и нечетко выраженная форма воцарения. В Валт. и Анг. женитьбы имеют медиальный характер. Тем не менее наш автор явно соотносил окончания повествований о жизненном пути своих персонажей с традиционными сказочными финалами — иначе трудно объяснить постоянное варьирование здесь одной и той же формулы: «И тако поживе царь Иван Васильевич с царицею своею Марьею год и месяц 6» (Мар. Тем., с. 37); «И поживе после жены своей с кралевичем неколико лет» (Валт., с. 90); «И поживе лета доволна, и умре Есфи-

³⁰ Пропп В. Я. Указ. соч. С. 30, 77.

хим-воевода» (Анг., с. 151); «И потом поживе много лет < . . . » И тако поживста с кралевою своею Полиместрою в старости глубоце и преставистася» (Вас., с. 406); «И тако святыи благоверный великий князь Петр и с супругою своею блаженною Феврониею многа лета поживе во отечествии своем и славе своей» (ЗПиФ., с. 297); «И потом поживе царь Давид недолгое время и преставися»; «И поживе царь Соломон во своем царствии во граде Иерусалиме добрыя годы»; «И потом царь Соломон поживе во граде Иерусалиме добре» (Сол., с. 357, 363).

Повторяющуюся, внутренне традиционную структуру имеет у нашего книжника и заглавие. Он придерживается типа «Повесть о < . . . » како . . . », при котором заглавие либо излагает содержание начального эпизода, либо подсказывает читателю, каков будет конец интриги. Примером первого может служить заглавие Григ. («Повесть о некоем купце Григории, како хоте его жена з жидовином уморити»), примером второго — заглавие Агг. («Повесть о гордости цара Агея, како за гордость пострада и царства лишися, и за терпение паки прият е»). В двух случаях автор заглядывает вперед и внутри повествования. По поводу прощальных речей «сожительницы» Валтасара он заявляет: «. . . рече ему лстивым лицом, яко же последи укажет» (Валт., с. 87); при таком же авторском предварении событий тот же оборот употреблен и в Троян.: «. . . яко последи настоящая истории изъявит» (с. 18). Думается, что использование автором традиционных форм заглавия³¹ с предварением содержания произведений приобретают у него новую функцию: привлечь внимание читателя к повествованию.

Беллетристический характер повестей нашего книжника подчеркивает и воплощение в их сюжетах ряда структурных особенностей, генетически связанных с древнегреческой романистикой. Таков прежде всего постоянный мотив «дороги». Однако если для рассмотренных М. М. Бахтиным как воплотивших «хронотоп дороги» разновидностей романа дорога — «преимущественное место случайных встреч»,³² то у автора исследуемых памятников господствует телеологическое построение сюжета, «встречи» на пути либо не происходят (Вас., Судьб.), либо обусловлены волею Божьей (Дим., Анг.), самодержца (Мар. Тем.), идеологической сверхзадачей автора (Валт., где встреча со львом-оборотнем демонстрирует высшую степень «злехитрия» женщин).

Отметим, что в рассматриваемых произведениях герои странствуют чаще по суше, нежели водным путем. Сухопутная дорога изображается с помощью формулы «пойде путем» (Дим., Анг., в Сол. — «путем идучи» и «путем едучи»). Сказочная формула «пошел куда глаза глядят», близко воспроизводится в Валт. («пойдоша по далным странам и по пустым местам» — с. 91) и Сол. («пойду в далния и незнаемыя грады и веси» — с. 347).

³¹ О небеллетристических функциях подобных древнерусских заглавий см.: Лизачев Д. С. Указ. соч. 3-е изд. С. 67, 71—72.

³² Бахтин М. М. Указ. соч. С. 392.

Весьма красочны и во многом индивидуальны описания сборов в дорогу. Вот Мария Темрюковна, покидая Астрахань, «призывает к себе Шихалея, повеле ему устроить три корабля. И вся сокровища драгия в ковчегах и ларцах, в сундуках повеле в них исплат своих износить. И наполниша два корабля златом и серебром, и камением драгим, и ризами многоценными, и одеянии драгими, и завесами заморскими, третий же корабль — всяких питей заморских и запасов, и рыб всяких, и икор, и хлеба, и мяса, и просто рещи — всего на путное шествие настави» (*Мар. Тем.*, с. 33—34). Первый структурный элемент — подготовку корабля — находим также в *Вас.* («учредив корабль» — с. 391), *Ап. Тир.* («повеле < . . > пристроити корабль» — с. 411), в *Троян.* («повелевает уготавлиати корабль» — с. 7 и др.). Второй элемент излагается более упрощенно: Василий «взя с собою великия дары и всякия драгия вещи» (*Вас.*, с. 391); «И велел < . . > скарбы своя все переносити в корабль» (с. 403); Аполлон «многое множество взя с собою злата, и серебра, и драгоценных вещей» (*Ап. Тир.*, с. 411); в корабль Язона помещают «всяких царских сокровищ и брашен довольству» (*Троян.*, с. 8); наконец, Соломон «взя у царицы казны царския многа, и серебра, и всяких драгих вещей многое множество» (*Сол.*, с. 354); здесь же «слуга княженецкий», собираясь в путь, «взя рукавичьки, и злата, и серебра на потребу, и людей» (с. 358). Речь шла о путешествии морском, однако и пешие сопровождаются подобными приготовлениями: Петр «серебра на путь взя 10 сребрянник и всяких овощей различных и рыб множество и питей». (*ЗПиФ.*, с. 290); собираясь в изгнание, он же «взем на потребу от имения своего изобилно» (с. 295).

М. М. Бахтин отмечает тесную связь мотивов дороги и встречи «с такими мотивами, как разлука, бегство, обретение, потеря, брак < . . > с мотивом узнания—неузнания».³³ Все они обнаруживаются в оригинальных произведениях нашего автора, а среди его редакций наиболее насыщены этими мотивами *Ап. Тир.* и *Сол.*, при этом в последней это явление связано уже не с происхождением сюжета, но с творческой инициативой книжника.

Мотив разлуки возникает в повестях в стилистически близком оформлении: «И охались с ним, и плакася на мног час, та же с материю своею, последнее целование восприем, плака же ся» (*Мар. Тем.*, с. 34); «И охалиста друг друга и плакаста надолзе» (*ЗПиФ.*, с. 297); «Потом начаста плакатися горко на мног час, и друг с другом поцеловастася любезно, и прощение учиниша» (*Сол.*, с. 347); «Плакася горко на мног час с нею. Она же, взяв ево и любезно поцеловав. . .» (*Валт.*, с. 87).

Находим в наших текстах и близкие описания поисков после потери: «Клирики же поискаша старейшины своего < . . > семо и овамо — и не обретоша» (*Анг.*, с. 153); «Послании же много искавше, не обретоша» (*Ап. Тир.*, с. 407); «И послав скоро привести того странного, но пигде его обрести не'возмога» (*Еписк.*, л. 124).

³³ Там же. С. 243.

В сценах обретения наш автор в двух повестях обращается к реминисценции из притчи о блудном сыне (Лука, 15, 24): «мертва бе и оживе, погибла бе и обретесе» (*Судьб.*, с. 241); «возлюбленную мою дочь, ю же погубих, обретох» (*Ап. Тир.*, с. 424).

Отметим также сходство в описаниях узнаваний, происходящих между родственниками. Так в *Судьб.* царь и царица «позна свою дочь, охавився, паде на выю ея, облобыза ея, плачася от радости» (л. 241); мать Соломона, узнав его, «бысть аки мертва и зря на него, и не могуще к нему провещевати что. И охави Соломон матерь свою, и нача ея любезно целовати» (*Сол.*, с. 356); Аполлон в такой же ситуации «паде на дщери, яко бездушен, и много вопия и рыдая. Егда же укрепися, <. . .> недоумеаяся, что глаголати» (*Ап. Тир.*, с. 424).

Существенным для построения сюжета оказывается у нашего автора мотив «подобия» героев. Собственно, мы имеем дело с двумя мотивами. Первый — это двойничество в полном смысле этого слова, с перевоплощением внешнего облика, а для окружающих — внешнее тождество персонажей, возникающее путем сверхъестественным, волею божества. Такое «подобие-двойничество» видим в *Дим.* и *Агг.*, при этом в *Дим.* сходство подчеркнуто: «А на престоле великий князь, подобен лику его» (с. 363).

Авторский интерес к мотиву двойничества выразился и в такой оригинальной форме, как удвоение имен действующих лиц. В *Анг.* сестры-близнецы названы Мариями, «бе бо имя едино им» (с. 153), а в *Вас.* рядом с королевичем Василием действует гость Василий. Кроме того, отправляясь в путь, королевич переименовал имена тридцати своих спутников «и нача их всех называти Васильями» (с. 391).

Не только двойничество, но и обычное сходство людей привлекает нашего беллетриста. Так, в *Вас.* королевна подменяет собою одну из служанок, а «оная же девица подобна лицом кралевне» (с. 400). Младенца Соломона мать подменяет на «детисце, кузнецова сына, во образ царевича Соломона» (*Сол.*, с. 346). В *Троян.* теми же словами определяется сходство близнецов Деифеба и Еленя: «. . .тии беху единого образа и подобия равны» (с. 99).

Наконец, «подобие» в значении «соответствие» связывается в сознании нашего автора с браком его героев. Митрополит Филипп поздравляет Ивана Грозного с тем, что он получил жену, достойную его («яко обрел ели сожительницу себе подобну величеству твоему» — *Мар. Тем.*, с. 36), практически теми же словами поздравляют князя Петра «все велможи и священники» (*ЗПиФ.*, с. 293); Василий желает «супружницу поняти, подобну себе красотою и мудростию» (*Вас.*, с. 389), цезарь Антиох после смерти жены ищет «в жену подобну первой прекрасную девицу» (*Ап. Тир.*, с. 407).

Одна из центральных тем нашего книжника — «вечная», изначально романная тема судьбы, интерпретируемая им как тема «суда Божия», предопределения. Конфликт героя с определенной ему божеством судьбой приобретает в рассматриваемых повестях

формы весьма разнообразные. Димитрий, усомнившись в правильности текста «Единым днем царь богат, и нищ, и убог», тем самым провоцирует вмешательство божества в его судьбу, доказывающее истинность Писания. Петр, не желая жениться на Февронии, противится, сам не зная того, предопределению, известному, однако, Февронии. Царевна, желая избежать предсказанного ей позорного наказания, решается на самоубийство, опять-таки не зная, что наказание предопределено ей Богом. Наконец, ангел, посланный отнять душу у роженицы, медлит, т. е. бунтует против определенной ей свыше судьбы.

Многообразие сюжетных форм воплощения темы судьбы лишь подчеркивает единство осмысления ее автором именно как «Божьей»: «Божия судьбы не ведуще» (Дим., с. 361); «а не помысли судьбы Божия бездна», «хотела судеб Божих избыти», «Ими же весть Бог, судбами» (Судьб., с. 240, 241); «Божиим праведным судом», «и не ведомо судеб Его святых и праведных» (Анг., с. 152); «суда Божия не убежал еси» (ЗПиФ., с. 392); «исполнися Божия его воля и праведные судьбы Его» (Агг., с. 325).

Любопытен и своего рода цитатный «конвой», сопровождающий у нашего автора тему судьбы. Так, цитата из Матф., 24, 35 читается и в Дим., где она вложена в уста ангела («Ведомо буди тебе: небо и земля мимо идут, а словеса божии не имут прейти» — с. 363), и в заглавии Судьб. В ЗПиФ. Феврония советует Петру, потерявшему княжение: «Возверзи на Господа печаль свою, и той тя препитает» (с. 295). Ту же цитату (Пс., 64, 23) обнаруживаем в утешительной речи, с которой Соломон обращается к Ичькиле: «. . . токмо возложи на Господа Бога печаль свою, и той нас соблюдет от вечныя смерти. . .» (Сол., с. 347). Наконец, в авторском рассуждении по поводу поведения царевны в Судьб. находим уже реминисценцию этой цитаты: «Лутчи бо возложити на Бога, нежели свое умышляти» (с. 240).

В отличие от других рассматриваемых повестей, в Мар. Тем. идея непреодолимости судьбы не декларируется прямо, но подсказывается читателю трагическим финалом, эффект неожиданности которого тщательно подготовлен. Прекрасная и добродетельная Мария с радостью принимает крещение, ее брак с русским царем останавливает войну и кровопролитие. Сам митрополит Филипп, будущий святой, заявляет царю перед венчанием: «Величайся с сею красотой во многолетнем здравии вовеки» (с. 36). Если это предсказание, то Филиппу дар провидца здесь изменяет. А не в том ли объяснение, что судьба Марии — не «Божья» судьба? Наш автор эмансипирует здесь индивидуальную человеческую судьбу, трагизм которой он не желает уже связывать с волею божества. Перед нами бунт против Провидения, подобный тому, который учинен ангелом в Анг., только бунт, скрытый от читателя, — писательский.

В подходе нашего автора к теме судьбы есть еще один интересный аспект. Человек он глубоко верующий, однако позволяет себе вещи, строго говоря, кощунственные. Например, вынесенная

в заглавие Судьб. цитата прямо приравнивает «слова» Христа к предсказаниям, которые сделали «волхвы и звездолубители» (с. 239). Такое же почтение к предсказаниям будущего, оказывающимся высшим из «свободных искусств», проявляет наш автор и в своей редакции «Троянской истории» (с. 17, 44, 69—72 и др.); здесь это, однако, оправдано языческой древностью описываемых событий.

Но вот в Григ. сопернику героя, замышляющему его убийство и преисполненному «ввсякого волхования», противостоит другой «мудрец», к тому же опять-таки правильно предсказывающий будущее, а после спасения Григория предлагающий ему: «Благодаря Бога». Волшебные манипуляции этого мудреца описываются так же, как и подготовка архиепископа Гурия ко крещению Мари:

Григ.

...повели вьскоре, да привезут зде тчан великий с водою<...> И скоро устройша тако. Еще же той мудрец устроил зеркала великое и много над тою водою мудрствовах (*так!*). И повеле Григорию во тчан вйти (с. 95).

Мар. Тем.

...повеле уготовати купель и воды налити ея. И нача действовати над водою <...> Царицу же повеле ввести в часовню... (с. 36).

Наш автор проявляет себя здесь сыном своей эпохи. Напомним, что благочестие соединялось с увлечением астрологией и у таких просвещенных его современников, как Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев.

Одно из сюжетных средств воплощения темы судьбы в рассматриваемых повестях — перипетия. Согласно Аристотелю, применительно к трагедии это «перемена события к противоположному, притом, как мы говорим, по законам вероятности или необходимости».³⁴ Наш книжник, как и его предшественники, греческие и византийские романисты, о «вероятности или необходимости» в данном случае не задумывался. Тем эффективнее излюбленная его перипетия — изменение социального положения героя на противоположное, причем известная культурная оппозиция «первый — последний» принимает у него соответствующую условиям России XVII в. форму — прежде всего «царь — крестьянин», а также «царь — раб». Крестьянствуют, например, князь Димитрий и юный Соломон. Их появление в деревне описывается сходно.

Дим.

И прииде в некую деревню, и узре на гумне крестьянина — ворох веюща (с. 362).

Сол.

...и прииде в весь некую. И обрете крестьянина — рожь на гумне молотит (с. 348).

Книжник-монархист не может допустить, чтобы крестьянствующий, хоть и временно, царь обошелся без сверхъестественной

³⁴ Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957. С. 73.

помощи: о Димитрии сказано, что «ангели божии помогающе ему делати» (с. 362). Поэтому и труд Димитрия, и «помощь» Соломона (он «сяде на омете ржаном») приносят небывалые, чудесные результаты.

Дим.

Христианин же убрал хлеб, и не весть, где его спрятать (с. 362).

Сол.

И как крестьянин отмолотил хлеб, и бысть у него хлеба много, что не во что сыпати (с. 348).

Нам показывают только формальное обращение «первого» в «последнего», «кравевича» в «раба»: Василий добровольно становится «рабом» французского короля, причем автор-монархист опять-таки не позволяет «ни в каких его иных работы не определить», кроме игры на гуслиях (Вас., с. 394). С женщинами, испытавшими перипетии этого рода, наш книжник не столь бережен: царица, заподозренная в воровстве, подвергается площадному наказанию кнутом, королеву Полиместру, переодевшуюся служанкой, Василий избивает плетью.

Иногда в русле оппозиции «царь—раб» изображаются отношения в среде венценосных особ. Валтасар, хотя он и «кравевич», «бе служба» одному царю, а потом неволею оказывается во власти другого, который «и наипаки того царя сильнее и богаче» (с. 86—87). Конкретно-историческое осмысление этой коллизии находим в Мар. Тем.: татарский царь Шихалей, уговаривая «мурзу» Теврюга Юнгича покориться русскому царю, заявляет: «Аз и царь, да ему, государю, покорен, и слуга его волный»; в письме царю Шихалей называет себя его «холопом» (с. 31).

Рассматриваемая перипетия заинтересовала нашего книжника и в текстах, избранных им для переработки. В его редакции царь Аггей, нагой и ободранный кустарником, выглядит в глазах пастухов как «тать», в тексте отмечено, что он «валялся в корчменицах» (Агг., с. 324). Крестьянка Феврония, едва став невестой князя, появляется «с рабы и рабынями» (ЗПиФ., с. 293). Под пером редактора царица Елена, став пленницей Париса, оплакивает свое превращение: «Аз бывши иногда царица, а ныне пленница бых» (Троян., с. 122).

Беллетристические возможности перипетий вообще используются охотно: ангел теряет «благодать» и становится простым монахом, Валтасар лишается положения при дворе царя и жены, отношение Полиместры к сватовству Василия меняется на противоположное, царь Пор, приказавший повесить Соломона, сам оказывается в петле и т. п.

Следует отметить близость стилистических конструкций. Так, ангел сокрушается: «Толиких благ лишихся едином часом милости ради!» (Анг., с. 149). Советник в разговоре с царем, не желающим отдать Валтасара-кравевича, спрашивает, желает ли он «ради единого человека все царство свое погубити» (Валт., с. 87). Наконец, Елена, жалея попавших вместе с нею в плен служанок, пла-

чет, «помышляя, яко: „Мене ради единыя вси отчества своего отпадоша“» (Троян., с. 112). Стилистические параллели возникают и при рассказе о восстановлении первоначального социального положения. Ангел послал Димитрия «паки на первый сан и честь возвести» (Дим., с. 363); Петр «восприят стол и честь сана своего, яко и первые» (ЗПиФ., с. 296).

Присмотримся теперь ближе к эстетическим представлениям нашего книжника. Начнем с концепции человеческой красоты, которая у него одновременно и своеобразна, и традиционна; при этом последнее качество связано с воплощением сразу нескольких разнородных традиций — отечественной фольклорной, средневековой и ренессансной (возникшей, во всяком случае в части своей, под воздействием переводной западной беллетристики).

Оригинально у нашего автора вообще такое пристрастие к человеческой красоте, которое делает ее главной в данной художественной системе эстетической ценностью. Для него в высшей степени характерно исправление, внесенное в текст ответа странника на вопрос, что наиболее удивительное создал Бог в малой вещи: не «различие вида лиц», как было в оригинале, но «разность и красота лиц человеческих» (Еписк., л. 123)!

Наиболее интенсивное эстетическое сопереживание вызывает у автора изучаемых повестей соединение красоты, высокого происхождения («благородия»), высоких нравственных и интеллектуальных качеств, при этом внешняя красота самого человека усиливается красотой богатства, драгоценных металлов, роскошных украшений.

Вот «послании» царя Ивана Васильевича входят «в полаты Теврюговы и узреша дочь его, великую государыню Марию Теврюговну, сидящу на престоле превознесенне злате, и сама золотканными одеждами оболчена, и от драгих камни светится вся полата, от красоты ея» (Мар. Тем., с. 33). Медя «красна суци и благородна» перед пиром «велми украсився многоценными ризами и царскими драгими утварьми, яко же обычай есть девам благородным красоту прилагати к красоте» (Троян., с. 17). Язон «преимеющ своюю красотою над всеми по премногу сияше» (с. 3), он же «сияя отвсюду премудростию и благородием» (с. 6). Кассандра «сияше красотой девическою, но паче цветущи свободных хитростей наказаньми» (с. 44). Василий «зело добродетелен и прекрасен зело, а власы у него, аки злато, сияют» (Вас., с. 389). Валтасар «собою велми прекрасен и разумен» (Валт., с. 86). Царь Пор, «видя красоту лица < . . . > и мудрость» Соломона, назначает его кравчим (Сол., с. 354). Все это лица благородного происхождения, но не менее прекрасна и разумна крестьянка Феврония: увидев впервые свою невесту, правда, уже наряженную «лепо», в «одеяния светлая», Петр «радуяся душою о премудрости ея и о красоте лепоты возраста ея, бе бо блаженная прекрасна зело». Февронию делает такой прекрасной не только мудрость, но и святость: перед венчанием в церкви «снемше с нея завес,

и вси удивишася красоте лица ея и доброте возраста ея: цветяще бо душевную доброту и духа святого доброту укрепляшеся и благодатию» (ЗПиФ., с. 293—294).

По тем же принципам изображаются и существа сверхъестественного происхождения. Ангел, которому еще не возвращена, заметим, «благодать», живописуется как «млад мних, младостию и светлостию украшен, яко ангел» (Анг., с. 151), а после прощения Богом — как «инок юн, лицом светящеся, яко луча от солнца» (с. 157). Однако и дьявол, обратившийся знатной девицей, характеризуется в соответствии с избранной им маской: «Епископ же удивляяся о ней — доброте рождения ея и красоте телесней, горячести, распалению духовному и такому красному глаголанию» (Еписк., л. 122).

Полезнее, впрочем, задуматься над соответствием таких характеристик реальным качествам земных персонажей. Если же мы поставим перед собой задачу определить, в какой мере «добродетелен» тот же Василий, или оценить действительную «мудрость» Полиместры, то придем к выводу о том, что имеем дело с характеристиками этикетными. С одной стороны, наш автор подчиняется фольклорному стереотипу, согласно которому летописец в XII в. так определил причину сватовства византийского императора ко княгине Ольге: «Видев ю добру суццу зело лицом и смыслену, удивися царь разуму ея» («Повесть временных лет», под 6463 г.). Что же касается обязательной добродетельности «прекрасного» персонажа, то она определяется известным средневековым христианским представлением о неотделимой слитности прекрасного и этического.

В то же время проникновение в отечественную беллетристику ренессансных мотивов, затронувшее и литературную продукцию нашего книжника, вынуждало его изображать людей, прекрасных внешне, но отнюдь не добродетельных, красивых, но не «благородных». Поэтому о неверной купеческой жене сказано только, что она «красна, младостию цветуще» (Григ., с. 95), неверная жена Валтасара — «некоего вельможа дщерь именем Фларента прекрасная» (Валт., с. 86), общая его и царя «сожительница» — просто «некая прекрасная из жен» (с. 90). Не сообщается о мудрости и добродетели неверных жен царей Давида и Пора, а первая жена Соломона «зело прекрасна и мудра» Соломона проявляет свою мудрость только в том, что заставляет Соломона исполнить предсказание его отца и «под гузном ея сидети» (Сол., с. 357).

Важный элемент представлений нашего автора о прекрасном — сияние золота и драгоценностей, красота которых также этикетна. В Сол. устами мудрого младенца объяснено, что «злато сотворено от царских очей. Всему богатству царь — злато, украшение всякаго человека и честь, а сребро от неправды и мзда есть: единого человека богатит, а другаго разоряет, и разбой и татьбу подымает» (с. 349). Автор — русский человек XVII в., привыкший в быту к серебряным деньгам и переживший попытку введения медных, полностью передает измененную функцию денег серебру,

а золото воспринимает эстетически («украшение всякого человека»), как атрибут богатства, роскоши, власти.

Мы уже отмечали облачения в золото и драгоценные камни главных героев рассматриваемых повестей, шла речь и о сокровищах, которые сопровождают их в путешествиях. Укажем еще сокровища, взятые в качестве трофеев: в ограбленном Парисом капище Афродиты было множество «злата и серебра, камня же драгого и бисера великаго и всякия иныя утвари, и камок златых. . .» (Троян., с. 76). В Мар. Тем. царь удивляется подаркам Марии, «в недоумении велицем бе камению драгому и жемчугу крупному. И повеле изнести из сокровищ своих драгия своя вещи и камня многоценныя, и повеле с ними сложити. . .» (с. 33), после женитьбы на Марии он «сокровища же ея, их же из Астракани привезе, повеле с великим утверждением и снабдением пред себя поставить» (с. 37).

Важную сюжетную функцию выполняют и драгоценные атрибуты. Наибольшее пристрастие автор питает к золотым каретам, которые высылаются навстречу персонажам в сценах торжественных встреч (Мар. Тем., Судьб., ЗПиФ., Сол.); в Троян. «колесницу царскую» привели для Елены, а для ее служанок — «многия колесницы позлащенные» (с. 83).

Вторую позицию занимает атрибут, вообще популярный в беллетристике. «Перстень царев златый з драгим камением» дарит Соломону жена Пора; Соломон потом этот «перстень любимый золотой» возвращает владельцу, а тот «узре на перстне подписание его царствия» и убеждается в неверности жены (Сол., с. 354, 357—358). Иван Грозный запечатывает послание «перстнем своим любезнейшим, на нем же сам написан» (Мар. Тем., с. 32). Василий дарит «перстень златый» первой из проводивших его домой девиц (Вас., с. 396); Аполлон не только хочет оставить жене свой перстень, но предлагает обменяться перстнями (Ап. Тир., с. 414).

Оригинален зато «золотой ковер», на котором в Судьб. приносят старца-«философа» (с. 240) и на котором Василия во время его покупки королем осыпают золотыми; наш автор также вводит «златые ковры» в эффектную сцену устилания цезарем Антиохом улиц Антиохии дорогими тканями (Троян., с. 408). «Златое блюдо» находим в Судьб., Сол., «златой ларец» — в Мар. Тем. и Сол., «златой кубок» — в Валт. и Троян., «злат венец» в Судьб. и Ап. Тир., «златый венок и драгий, устроенный з драгоценными камни» — в Вас.

Предприятые до сих пор экскурсии в художественный мир нашего книжника свидетельствовали о такой его особенности, как подчеркнутая этикетность. У этого писателя есть совершенно четкое, сознательное представление об этикете (как светском, так и церковном), выраженное им вербально, иногда в авторской речи. Так, Соломон у него заявляет, что исполняет «царский чин» (Сол., с. 353), Медея на пиру просит у отца разрешения заговорить с ним «целомудренне чином девическим» (Троян., с. 28).

Этикет воспринимается автором эстетически, как нечто прекрасное, «лепое»: архиепископ Гурий «прочет писание и, яко же лепо, порадовася» (Мар. Тем., с. 35). В качестве источников этикетных действий называется «Устав, богодухвенная книга Бытия» (Сол., с. 346); Гурий крестит Марию, «яко же повелевает молитвослов», а митрополит Филипп соединяет ее с царем, действуя «священная по чину», «яко же правила повелевают» (Мар. Тем., с. 36, 37). Автор ссылается и на обычай: «Обычай же в том царстве таков. . .» (Судьб., с. 240); в Троян. речь идет о браке «обычаем царским» (с. 55); Василий пред королем «ста у дверей благочинно, яко обычай есть рабом стояти» (Вас., с. 393).

Этикету в сознании нашего книжника противостоит своего рода антиэтикет, имеющий у него особое обозначение — «невежество». Он замечает, что Соломон похоронил жену «не по царскому чину» (с. 359). В Мар. Тем. царь, заботясь о благочинии крещения Марии, приказывает в письмах к Гурию и Марии: «А кто, невежа, неискуство какое починит, вели царю Шихалею смёрти предать»; «Неисусных и невежей вели царю Шихалею смерти предать» (с. 35).

В ЗПиФ. понимание редактором «невежества» усложняется. Князь Петр задается вопросом: «Како таковому существу князю пояти за себе поселянина и невежи дочь женою?» — и повторяет эти слова, послав к ней после излечения дары (с. 291); затем его вельможи невзлюбили Февронию, «дщерь бо она невежи-поселянина», требуют изгнать «невежителницу» (с. 294, 295). Однако эти обвинения оказываются ложными: крестьянка родом, Феврония перечеркивает природное «невежество» святостью. Наконец, в Сол. находим носителей «невежества» и подлинного, и мнимого. Младенец Соломон аллегорически называет любовника матери, посадского человека, «невежливою мякиною», а затем говорит о «невежестве» послов Давида, нарушивших этикет при посещении его в потешном «граде» (с. 345, 353). Это подлинное «невежество». Однако, когда сам Соломон «невежливо» поступает в присутствии послов, он оказывается мнимым «невеждой», ибо мудро объясняет свое поведение (с. 351).

Итак, носителем «невежества», антиэтикета у нашего автора в первую очередь оказывается крестьянство. Можно еще добавить, что в Вас. и Сол. крайне низко оценивается такой атрибут крестьянина, как обувь из лыка, лапти. В Вас. королева оскорбляет Василия, заявляя, что «садится-де лычко к ремешку лицом» (с. 390, ср. с. 401—402). Соломон, издеваясь над Пором, который приготовил для него «три осила: златый, серебряный, шелковый», балагурит: «Оторвал бы ты у лаптя лычную отбору. . .» (Сол., с. 362). Абсолютное большинство бранных слов, к которым прибегают персонажи повестей, это также обозначения крестьянина: «смердей сын» (Вас., с. 390, 402), «страдница» (Вас., с. 402, Сол., с. 280).³⁵

³⁵ Еще одно употребленное персонажами бранное слово «кокаянный» (Судьб., с. 240; Анг., с. 153; Ап. Тир., с. 419) имеет религиозную окраску.

Следует все-таки отметить, что несмотря на субъективный антидемократизм нашего книжника, вытекающий из его принципиальных идейно-эстетических установок, объективно — крестьянскими сценами в *Дим.* и *Сол.*, своим восхищением красотой и мудростью крестьянки Февронии — он внес свой вклад в поэтизацию крестьянского труда в русской литературе.

В качестве слагаемых древнерусского литературного этикета Д. С. Лихачев называет «этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный».³⁶ Все они, как легко убедиться, воспроизведены и в рассматриваемых повестях второй половины XVII в. Тем не менее отраженный здесь литературный этикет их автора характеризуется тремя особенностями. Первая состоит в том, что у него литературный этикет выступает как явление его личного художественного мира (что не исключает многочисленных пересечений с тем надличностным и надиндивидуальным, корпоративным литературным этикетом, о котором писали Д. С. Лихачев и О. В. Творогов).³⁷ Второй особенностью является не только литературное, но и фольклорное происхождение традиционных элементов в этом индивидуальном этикете. И третья особенность — сильнейшая обусловленность этого этикета монархическими убеждениями его создателя, что, в частности, позволяет признать используемый им «этикет поведения» как различного рода предикаты монарха в качестве объекта повествования.

Таково, например, «веселие» — нормальное, естественное состояние, в котором, по представлениям книжника, должен пребывать монарх, пока не возникает конфликт, и возвращаться в него, когда сюжетный потенциал конфликта исчерпывается. Так Дмитрий в конце повести «пойде в дом свой и нача веселитися, слава Христа, бога нашего» (*Дим.*, с. 363). «Веселие» это в значительной степени абстрактно, однако часто повторяется один из его видов — охота. «Во един же от дни поехаша за зверми в поле гулять с вельможами своими» (*Дим.*, с. 361). Ср. в *Валт.*: «. . . не ехал за охоту в поле, а той царь полевою охоту зело любил» (с. 89).

И в книжной редакции *Агг.*, в отличие от оригинала, охота является постоянным развлечением царя: «Наутрие же царь еха на поле тешитися. . .» (с. 322). В *Троян.* пересказывается рассказ Париса о его охоте, завершившейся вещим сном: «Случи же ся изыти на поле во множестве ловцов. . .» (с. 65). Кроме того, Давид, подобно русским царям, уезжает «в весь некую ради потешения» (*Сол.*, с. 347), а Василий в качестве раба должен «тешить короля, в гусли играти» (с. 394, 395).

Поскольку государь у нашего книжника принципиально благочестив, одно из этикетных его положений — присутствие на церковной службе. Гонец Шихалея «обрете его, государя, стояща в соборной церкви Успения пресвятыя Богородицы, слушающа

³⁶ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 90.

³⁷ Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 29—40.

божественную литургию на царском своем месте» (Мар. Тем., с. 31).³⁸ Ср. начало Дим.: «Приспевшу празднику великомученика Христова и страстотерпца Димитрия, стоящим у церкви Димитрия-страстотерпца великому князю Димитрию и вельможам, слушавшим божественного пения со вниманием» (с. 361).³⁹ Сходство находим и в описании действий монарха по окончании службы: «И отслушав божественную службу, поиде» (Мар. Тем., с. 31); «И тако <...> отслушав пения, повеле» (Дим., с. 363).

Следующее этикетное положение государя — восседание на престоле. Царь Иван Васильевич приступает к чтению грамоты Шихалея, только воссев «на своем царском престоле» (Мар. Тем., с. 31). Мария Темрюковна показывается Шихалею «сediaше на престоле выше» (с. 32), а в сцене прощания с семьей «мать же ея подле ея сediaше, на ином престоле» (с. 33). Петр получает «стол» муромского княжения; Аггей в несчастье своем надеется оказаться все-таки «на престоле» (Агг., с. 324); Димитрий видит, что «на престоле его великий князь, подобен лику его» (Дим., с. 363); Давид посадил Соломона «на свой царский престол» (Сол., с. 356) и др.

Книжник не забывает и об атрибутах царской власти. Отцу Марии из Москвы принесли «порфиру от царя и венец, и возложиша на главу ему, и поклонишася ему» (Мар. Тем., с. 33), «в порфиру и венец» наряжают и саму Марию перед свадьбой (с. 36). Димитрию вельможи «даша порфиру царскую и жезл, и венец» (Дим., с. 363), а в стране, куда занесло «манием Божиим» героиню Судьб., существует обычай «полагати <...> на новое лето новый венец на главу цареву» (с. 240).

Перед торжественными церемониями герои повестей облачаются в парадные одежды. Царь Иван Васильевич перед свадьбой «сам же нарядися в одеяние светло и венец возложи на главу свою» (с. 36), точно так же и князь Петр перед обручением с Февронией «сам же одеяся в золотая одеяния» (с. 293), Язон идет на прием у Оетеса «в царском наряде, велми украсився» (с. 13).

Этикетность этого мотива становится особенно заметной, когда речь идет о сверхъестественном двойнике героя (в Агг. ангел

³⁸ Ср. в Троян.: «...царь же Оетес сяде на своем царском месте» (с. 15). Речь идет о церемониальной встрече Язона и Геркулеса во дворце.

³⁹ Нетрадиционность для нашего книжника такого начала Дим. побуждает обратить внимание на сходство его с начальными строками стиха «Дмитровская суббота», откуда наш автор мог заимствовать наряду с уже известной ему сюжетной ситуацией совпадение имени героя и святого, день памяти которого празднуется:

Накануне субботы дмитровской
Во соборе святом Успенским
Обедню пел Киприан святой.

За обедней был Димитрей-князь
С благоверной княгиней Евдокией,
Со князьями ли со боярами,
Со теми со славными воеводами.

(Бессонов П. Калики переходные. М., 1861. Вып. 3. С. 673). Е. К. Ромодановская ставила в зависимость от пьесы «Венец Димитрию» (1704) появление имени героя в Повести о Димитрии (Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе. . . . С. 235). Это мнение не представляется нам обоснованным.

«облекся во одежду царскую» — с. 323), либо когда одевается «низкий» противник героя: в Валт. «поползень» перед любовным свиданием с царицей «выняв из-под возглавия одежду царскую и облечеса» (с. 89, ср. 90). Сказанное относится и к детали Вас., вступающей в противоречие с предшествующим изложением: хотя Полимистра и переодета служанкой, Василий снимает с нее перед избиением «кравлевское платье», а затем опять-таки «веле облачитеса ей во свою кравлевскую одежду» (с. 403).

Состояние «веселия», славы и богатства, в котором пребывают персонажи-властители, обусловлено безупречной исполнительностью подданных. Слово «повеле» неоднократно встречается в каждом из рассматриваемых текстов. Возникает конструкция «повеле + И бысть тако» (Судьб., с. 240; Анг., с. 150; Сол., с. 354; ср. Вас., с. 394; Ап. Тир., с. 412). В Мар. Тем. и Сп. об. она трансформирована: «И приехаша в Астрахань в 5 час ноци — тако царю повелешу» (с. 33, ср. с. 35); «И тако повелением великого Бога написаша. . .» (л. 201 об.—202). Одно из трафаретных повелений происходит, вероятно, от сказочной формулы: «Сокровища же ея < . . . > повеле пред себя поставити» (Мар. Тем., с. 37); «и князя Димитрия повеле поставити пред себя» (Дим., с. 363); «И повеле царь кравевича поставити пред себя» (Валт., с. 88); «И повеле ему король пред себя быти» (Вас., с. 391); «И царь Давид повеле его пред собой поставити» (Сол., с. 354).

Царские повеления исполняются сразу же, персонажи действуют быстро. В Мар. Тем. постоянно подчеркивается, что царь пишет Шихалею «скоростию», с письмом велит «скоро ехать» и пр. Князь Димитрий не понравившиеся ему слова из Евангелия повеле «вырезать въскоре», однако и крестьянин приказывает ему: «Иди скоро» (Дим., с. 261, 262). В Анг. помимо уже знакомых нам и многочисленных «пойде скоро» и пр. находим также «аще ускорил бы на помощь» (с. 155). Аналогичное выражение читается в ЗПиФ.: «Ускоряйте, ускоряйте, да же постигнете» (с. 296); любопытно, что здесь Феврония перед смертью «скоростию пойде» к Петру (с. 297). Мнимый раб Василий просит у короля место для своего «дворенца» близ королевского, ссылаясь на требования службы: «. . . чтоб скоро приитти к твоему величеству» (Вас., с. 395). Войска греков передвигаются «с великою скоростью» (Троян., с. 81, 108). Епископ посылает «вскоре привезти» странника (Еписк., с. 124), купец Григорий должен «въскоре» погрузиться в чан с водой (Григ., с. 95), у мудрого Соломона «скорый ответ» (Сол., с. 349) и т. п.

Марию Темрюковну «без всякого медления» привозят к царю (Мар. Тем., с. 36), «без всякого замедления» устраивается свадьба (Ап. Тир., с. 414), Василий требует «изготовити к походу корабль немедленно» (Вас., с. 403), а греки призываются «без всякого коснения» расторгнуть свою «медленность» (Троян., с. 106).

Даже если некоторые из этих бесчисленных «скоро» и обусловлены конкретными сюжетными ситуациями, трудно не вспомнить здесь феномен «живости» литературных героев XVII в., обстоя-

тельно изученный А. С. Деминим. Исследователь удачно связывает его со стилем служебной деятельности окружения Алексея Михайловича: «Интенсификация „службы“ в реальной жизни заставила писателей думать о „скорой службе“ людей и усилила служебное рвение литературных героев».⁴⁰

Этикетным моментом является и «тщание» исполнения повелений. «Велико тщание и скорость велех творити о тебе», — пишет Марии московский самодержец (**Мар. Тем.**, с. 35). «Со тщанием» обращаются к царю воевода и бояре в **Анг.** (с. 150, 151) и действуют персонажи **Троян.** (с. 9, 35, 57 и др.).

Наиболее оригинально и глубоко раскрывается внешнеполитическая деятельность государей. Свидетель усиления мощи Московского государства, книжник стремился осмыслить исторический опыт территориальной экспансии и строительства многонациональной империи. В **Мар. Тем.** создается романическая версия присоединения Астраханского царства. В **Анг.** царь посылает одного из своих бояр «в некий великий град устроить град, в нем же и люди управляти» (с. 149, ср. 151). В **Сол.** несколько неожиданно вдруг сообщается, что царь «покори под себя мудрости своею многия царства и вси окрестныя земли, и Римское царство сильное овладе» (с. 357). Существенно, что наш автор никогда не прославляет войну захватническую — его герои вынуждены обороняться (**Анг.**), отвечать на вызов противника («индийская» линия сюжета **Сол.**) и стремятся к мирному решению конфликта (**Мар. Тем.**, **Валт.**). При этом в **Мар. Тем.** сказано о том, «что бог без крови Астараханское царство под Московскую державу поручил и покорил» (с. 34), а действие **Троян.** сопровождается авторскими, а чаще вложенными в уста персонажей рассуждениями о необходимости для правителей избегать войн и сохранять мирные отношения между «царствами» (с. 11, 69—71).

Если осмысление внешнеполитической деятельности правителей у нашего книжника своеобразно, то изображение ее внешней стороны достаточно трафаретно. Так, этикет переписки (в **Валт.** он назван «царским уставом» — с. 87) восходит здесь к «Александрии».⁴¹ Формула отправления грамоты варьируется следующим образом: «И пишет <...> отряжает посланника своего <...> дав ему грамоту сице написанну»; «велел грамоту писать, имуще писание сицево» (**Мар. Тем.**, с. 31, ср. с. 32, 34, 35); «По указу же цареву написаше <...> листы по царскому уставу. А в листах написаша...» (**Валт.**, с. 86); Василий «лист написа» (который тут же называется «грамотой»), а также «подписав на дне чаши тоя,

⁴⁰ Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977. С. 106.

⁴¹ На совпадение одной из формул переписки в **Сол.** и в «Александрии» обратила внимание Л. В. Ярошенко-Титова: См.: *Ярошенко-Титова Л. В.* «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII—XVIII вв.: Характеристика редакций // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 266.

писание же сицево» (Вас., с. 390), «написал лист, имуще писание» (с. 403); «Король же восписа лист ко дочери. . .» (Ап. Тир., с. 413); «И написа ему лист мудростию с гаданием < . . . > А в грамоте написано сице бе»; «Посла послов своих ко индейскому царю Пору, лист имуще писание сицево» (Сол., с. 352—353, 357).

Своя формула и у чтения грамоты. «Царь же прием грамоту < . . . > распечатав грамоту, и учал ея смотреть»; «Царь же прием послание < . . . > распечатав и прочет» (Мар. Тем., с. 31, 32); «Царь же той, приняв листы, повеле вычесть пред собою» (Валт., с. 87); «Король же тот лист взя у них и прочте» (Вас., с. 404); «Восприим же лист кравелна от отца своего, прочет» (Ап. Тир., с. 413); «Он же той лист приим, и прочте» (Сол., с. 353). Сходна и реакция героев, недовольных содержанием послания: Василий, прочтя «лист», «передрал ево надвое» (Вас., с. 405), Пор «изодрав всю тою грамоту Соломонову» (Сол., с. 357—358).

Что же касается живого, естественного контакта царя с посланцами и иными персонажами, то в изображении его писатель XVII в. проявляет и «тщание», и фантазию. Особенно привлекают его торжественные встречи, церемониал которых изложен в Сол. так: «Подобает послу, не доезжа до града за три поприща, гонца во град прислать, чтобы государь на встречу послу чинов и воинских людей изготавил» (с. 353). Этой программой явно руководствуются и посол в Судьб. («Посол же со девицею прииде во царство ея и посла ко царю посланника своего» — с. 241), и гость Василий в Вас. («Егда же бысть во Францыи, и гость Василий поведати повеле о себе королю Карлусу» — с. 391).

Однако рекомендация о расстоянии, с которого прибывающий должен дать знать о себе, выполняется только в Мар. Тем.: «И не доезжая три поприща, повеле воинству всему изо оружия всякого стреляти < . . . > Князи же казаньстии, слышавше царицыно пришествие, идоша противу ея во сретение в золотых одеяниях» (с. 35).

Наиболее подробные и роскошные по атрибутике сцены торжественных встреч читаются в ЗПиФ., Ап. Тир. и Троян.

ЗПиФ.

Егда же приближися благоверный князь Петр ко граду своему Мурому, уведаша гражане приход его, изыдоша абие в стретение его з женами и детми в дале поприща, дары ему приносяще. . . (с. 293). И сретоша его вси граждане. . . Многи от радости испущаху слезы (с. 296).

Ап. Тир.

Егда же к Тиру приближися, и изыдоша во стретение его мужие во урядстве изящнем на конех; девиц же лики во украшении лепотне полками; такожде и жены и малейшая отрочата своею особою. И от радости стари и младии плакаху. . . (с. 425—426).

Троян.

Егда же приидоше близ Троян, тогда изыдоша повелением царевым вси гражане с женами и детми во сретение Еленино в светлых ризах, честь царскую приносяще ей, радующеся пришествию ея. И егда придоша близ врат градских, тогда изыдоша вся благородныя жены троянския во сретение царицыно. . . (с. 85).

В **Троян.**, в описании двух церемониальных встреч (Оетесом Язона и Геркулеса и Приамом Елены), возникает деталь, свидетельствующая о том, что наш автор не разделял неприятия двором Алексея Михайловича инструментальной музыки: «Прочему же воинству и народу повеле изыти во сретение их с тимпаны и органы и со прочими орудии игрании мусикийских» (с. 14); «Тогда народи абие возгласиша во вся трубы и органы, во свирели же и гусли и в прочие инструменты гласов мусикийских» (с. 86). Сходный момент находим и в рассказе об обручении Петра и Февронии в **ЗПиФ.**: «. . . и начаша веселитися и ликовствовати и радоватися любезно с лики и тимпаны и иными мусикийскими органы радовахуся во весь день» (с. 293).

Источник этой детали обнаруживаем в сербской «Александрии», список которой, хранившийся в «архиве-библиотеке» нашего книжника, был для него неисчерпаемым кладом этикетных ситуаций и формул: Александр встречается Алимпиаду «со златыми трубы, глосовными органы и тимпаны и мусикийския хитрости вся по достоянию по ряду урядив» (Сборник Якушкина, л. 113). Игру на гусях писатель сохраняет в своей редакции «Повести об Аполлонии Тирском» и вводит в **Вас.** под влиянием, конечно же, эпического сюжета о чудесном гусяре.

Отметим еще совпадение этикетных формул и положений персонажей в рассказах о встрече архиепископа Гурия с «посланными» царя Ивана Васильевича и Язона с «благородными» Оетеса.

Мар. Тем.

Он же вопросы их о цареve здравии. И прочет писание и, яко же лепо, порадовася. И посла по начальных града. . . Они же, слышавше, падоша на землю, отздравъствоваша царю и архиепископу (с. 35).

Троян.

Они же, падше, поклонишася ему, и от лица царева поздравление благородию его изрекоша честно. Язон же поклонися им, и о здравии благородия царского, яко же лепо, любочестне вопросил (с. 15).

Явное увлечение писателя конструированием пышных процесий, варьированием их участников и обрядности, как полагаем, и подвело его в **Григ.** В этой переделке «приклада» РД. наш автор, как уже отмечалось, превратил героя из рыцаря-пилигрима в купца. И вот этого-то «человека купеческого» вначале встречает мудрец, который говорит, «ста во сретение ему: „Радуйся, Григорие, яко возвратился еси с прибытком многим!“»,⁴² а затем и жена, неизвестно откуда узнав о возвращении мужа, торжественно «облечеся в драгия одежды, изыде во стретение ему, радуяся» (с. 96, 97). Перенесение этикета торжественной встречи с широкой площади в узкое пространство семейного круга, из царского обихода — в купеческий производит впечатление пародии.

⁴² Ср. начинающиеся словами: «Радуйся < . . . > яко. . .» — поздравления царю Ивану Васильевичу, князю Петру, королеве Лучнице (**Мар. Тем.**, с. 36; **ЗПиФ.**, с. 293, **Ап. Тир.**, с. 417). Сама конструкция заимствована, скорее всего, из «Похвалы» житий; автор встретился с нею, в частности, в оригинале **ЗПиФ.**

Царь принимает решение и отдает повеления, опираясь на советников — добрых и злых. Первые генетически связаны с образом сказочного «дарителя», вторые — с вечными «злыми боярами» народной социально-утопической прозы. В художественном мире нашего книжника добрые советники явно преобладают; даже в антибоярскую «Повесть о Петре и Февронии» он вводит образ «любезнейшего» вельможи Евстратия, который вначале убеждает Петра жениться на Февронии, а затем следует за княжеской четой в изгнание. В **Мар. Тем.** сюжетное значение советников ослаблено подчеркнутым самовластием царя, однако и здесь в роли реального советника выступает Шихалей, а «дядюшка» царя Никита Иванович Романов и митрополит Филипп являются советниками только номинально.

Если Филипп воплощает юнговский архетип «мудрого старца» в соответствии со своим саном, то «философы» в **Судьб.** и **Троян.** мудры и во возрасту: первый, безымянный, «жив много и не моги ходити ногами», поэтому его приносят к царю «на златом ковре» (с. 240), второй, Еуфобий, живет уж «сто и осмьдесят лет» (с. 73). Не менее мудрым советником является, однако, и мальчик Соломон. В соответствии с сюжетами оригиналов, в редакциях нашего книжника мудрыми советчицами оказываются Феврония и Медея, а советником — юноша Елень.

Двойную функцию — советчика и помощника — выполняют гость Василий (**Вас.**), «княженецкой слуга» (**Сол.**), а в **Валт.** — поочередно купец, спутник Валтасара, а затем сам королевич, который становится в результате «названным братом» царя и, в свою очередь, пользуется его «советом» и «глаголом».

Диалоги царя с советниками, послами и другими персонажами изобилуют этикетными формулами. Таково, например, обращение к царю: «Молимся державе твоей» (**Анг.**, с. 151); «Молю твою державу» (**Ап. Тир.**, с. 421); «Аще повелит ми держава твоя» (**Троян.**, с. 28). Следующий этикетный момент — рассказ персонажа, характеризующийся тем, что сообщается «вся» или «подробно»: «Святитель же поведи ей вся, елико сотвори в Казани < . . . > и вся ей о царе поведи» (**Мар. Тем.**, с. 36); «Девуца же вся царю о себе исповеди» (**Судьб.**, с. 241); «возвести ему подробну все» (**Валт.**, с. 89); «исповедаша вся бывшая» (**Анг.**, с. 159); «он же сказа ему вся подробно» (**Вас.**, с. 403); «вся оповеди ей» (**Агг.**, с. 325); «Извести ему Лучница вся» (**Ап. Тир.**, с. 425); «и все деяние им объяви» (**Еписк.**, л. 124); «И сказа ему боярин вся приключившаяся подробну» (**Сол.**, с. 351); «Язон же вся подробну исповеди ему» (**Троян.**, с. 29).

Рассказ (равно как и поступок, вещь) может вызвать удивление. Формулы удивления или недоумения здесь общелитературны. Более красноречиво употребление формулы, применяемой, если нужно сказать об уникальности вещи или исключительности человеческой красоты или мудрости. В первом случае речь может идти о ширинке («и не обретешя ни один противу присланных» драгоценных камней на ширинке — **Мар. Тем.**, с. 33), о дарах

(«несть у тебе таковых во всем царстве твоём» — Судьб., с. 241), о камне («несть другого такового в царской ризнице!» — с. 240), о полатах («таких полат и вещей драгоценных и у батюшки твоего я не видала» — Вас., с. 389; «Такова бо бе оная полата, яко ни у коего же прежде бывших царев во всей вселенной не обретесе» — Троян., с. 48), о рукавичках («чтобы в царствии твоём таких рукавичек не обретахся» — Сол., с. 358). То же говорится и о человеке: «в державе его такового лепотою не обретесе» (Валт., с. 86); «толикою красотою сияющу, яко во вселенной таковей не обретатися» (Ап. Тир., с. 405); «во всей вселенной такова отрока не обретесе» (Сол., с. 350). Укажем еще на сходные конструкции в Мар. Тем. и Вас., построенные из близких компонентов в отличных друг от друга сюжетных ситуациях.

Мар. Тем.

В выборе у меня велможских детей благообразных дев болши 100 было, а одна не судит половиною сицевая красоты и доброты. . . (с. 32).

Вас.

У нас такова молотца умнаго в царствии нашем нету прекраснаго из сенаторских и ис цысарских детей, какова гость Василий у себя имеет раба (с. 393).

Трафаретная констатация мудрости собеседника («Вижу тя девицу благообразну и премудру в таковых летех» — Ап. Тир., с. 422; «Вижу тя отрока велми разумна и мудрость во устех твоих» — Сол., с. 349, ср. с. 356) интересна для нас тем, что автор встретился с ней в оригинале ЗПиФ.

Радость персонажей выражается с помощью известной житейной формулы, ставшей общелитературным трафаретом, но вот печаль получает несколько более индивидуальные формы выражения: «и бысть в забытии ума от великия туги и печали» (Анг., с. 155); «а сама во иступлении ума своего бысть» (Вас., с. 401); «изступи ума» (Сол., с. 348); «и вне ума своего ста, и опечалився велми» (с. 357); «зело оскорбе, и от великия своя печали изнеможе духом, мало разумея посла своего в речех его» (Троян., с. 59). Характерна и такая реакция героя на горестную весть: «паде на землю, аки мертв, лежа на земли на долг час» (Сол., с. 355); «бысть яко мертв, паде на землю» (Ап. Тир., с. 414).

Цари испытывают гнев (Вас., Валт., Агг., Троян.) и порой весьма сходно сообщают о своих желаниях: «яко желает душа моя» (Мар. Тем., с. 36); «Сего бо зело душа моя желает того» (Вас., с. 394, ср. 401). И царь Иван Васильевич, и князь Петр «в похотение прииде, еже пояти за себе» предложенных им невест (Мар. Тем., с. 33; ЗПиФ., с. 292).

Сообщение об интеллектуальной деятельности героя, как правило, ограничивается стереотипной конструкцией «нача помышляти, како». Отметим и близость двух распространенных ее вариантов.

И нача кравевич Василий безпре-
станно мыслити, како бы свой смех
кравевне Полиместре и отцу ея, ко-
ролю Карлусу, отмстити и кравевну
Полиместру доступить. И наду-
мався. . . (с. 391).

. . . и нача думу свою думати, как бы
мудростию своею до царства Индий-
ского доехати, и царицу свою до-
ступити, и смех ея отмстити. И на-
думався. . . (с. 359).

Сопровождающие беседу жесты и мимика персонажей одно-
образны. Персонажей берут «за руку» (Мар. Тем., с. 36; Валт., с. 91;
Вас., с. 396; Ап. Тир., с. 420; Троян., с. 15), «под руку» (Мар. Тем.,
с. 31), «под руки» (Мар. Тем., с. 36, Ап. Тир., с. 418), бьют
«по ланите» (Дим., с. 362) или «по ланитома» (Валт., с. 88, ср. 89).
Героини в недоумении озираются: «Дева же обзирашеса семо и
овамо. . .» (Судьб., с. 240); «жена <. . .> нача озиратися семо и
овамо. . .» (Валт., с. 92). В гневе и ярости герой поступает, «рык-
нув аки лев» (Агг., с. 332, ср. Ап. Тир., с. 424, Троян., с. 38),
любовник жены Валтасара просто «рыкнул на ню» (с. 88). Злодеи
говорят, «зубы скрегчуще» (ЗПиФ., с. 294, ср. Сол., с. 346; Григ.,
с. 96). В горе и недоумении персонажи, подобно героям «Алек-
сандрии», где этот жест господствует, кивают и качают головами
(Вас., с. 404; Сол., с. 359; Ап. Тир., с. 412, Троян., с. 71 и др.).
В сценах встреч и узнаваний персонажи обнимаются, при этом
преимущественно употребляется глагол «охапити»; объятия со-
провождаются обильным («на мног час») плачем.

Плач — едва ли не единственное средство выражения эмоций,
которым оперирует автор. Правда, встречается еще неконкрети-
зируемое «изменение» лица героини (Вас., с. 397, 401), а также
бледность, покрывающая лицо персонажа от ужаса («обледе
лицем» — ЗПиФ., с. 289) или в приступе ярости («бысть бледен» —
Троян., с. 57).

Остановимся теперь на некоторых деталях, которые могут
возникать в рассказе о решении героем поставленной перед ним
сюжетом задачи. Иногда ему приходится заглядывать в помеще-
ние, и тогда Валтасар «прилезше к скважни, взглянувше же в по-
лату» (Валт., с. 88), а князя Петра отрок приводит в церковь
«и показа ему скважнею в стене» (ЗПиФ., с. 289). Когда необхо-
димо уединиться с кем-нибудь, королевич Василий и мальчик
Соломон поступают одинаково: «повеле отрокам своим изыти
из полаты тоя» (Вас., с. 401); «повеле всем отрокам выити из по-
латы вон» (Сол., с. 347). Персонаж, который хочет остаться один,
поступает иначе: царевна «отиде в сокровенную камару» (Судьб.,
с. 240), ангел заводит Аггея «в тайную камеру» (Агг., с. 326),
Медея «во своя каморы отьиде» (Троян., с. 18).

Рассудив дело, царь волен награждать достойных и казнить
виновных. Заслуги подданных награждаются щедро. Воеводы по-
лучают во владение земли. Шихалея царь «многими одарив дарми:
даде ему град Казань в снабдение его и в веселие и Астраканью
ему же повеле, Шихалею, владети и попечение о нем творити»

(Мар. Тем., с. 37). В Анг. царь дает воеводе, взявшему к себе на воспитание младенцев, Агалимскую страну (с. 151).

Церковный сановник награждается иначе: «Царь же митрополиту великий духовный праздник сотвори и угости, и дары великия даде» (Мар. Тем., с. 33). В Анг. бояре дают монастырю великую милостыню, и после этого «архимарит же сотвори праздник велий» (с. 158).

О награждениях людей более низкого общественного положения говорится однообразно: царь их «дари» или «пожалова» много, однако любопытно, что гость Василий и «славный человек Елавик» за свои заслуги помимо даров получают должность монаршего советника: «и в советех своих быти ему повелел за свое доброе услугование к сыну их» (Вас., с. 405) (ср.: «и первосоветника себе постави» — Ап. Тир., с. 426).

Укажем, наконец, специфический вид награждения. Мария Темрюковна приказывает посланников московского царя «угостити любезно», а встретившим ее в Казани воеводам «от питей своих покой дати велий» (Мар. Тем., с. 33, 36). Василий служанку королевны принимает у себя и «нача ея чествовати всякими разными пойлы» (Вас., с. 296, ср. с. 401). Князь Петр, возвращаясь с Февронией в Муром, оставляет ее отцу-«христианину многия дары и питей всяких множество» (ЗПиФ., с. 393). Царь Оетес для угощения Язона и Геркулеса «повеле уготовляти рабом своим различная брашна и пития» (Троян., с. 16). Король за «такия ево великия дары велми его почтил», гостя Василия, «и посадил ево с собою за стол хлеба ясти» (Вас., с. 392), царь Давид приказывает мнимому купцу Разумнику «к себе к столу быти» (Сол., с. 354), странник должен разгадать «гадания», чтобы доказать свое право «до стола» обедающего епископа (Еписк., л. 123, об.).

Переходя к наказаниям, начнем с самого мягкого. Царь и королевич заключают свою общую «сожительницу» «в высокую стрельну» (Валт., с. 90). В Судьб. царевна заключается в «столп ираморен» (с. 240). Соломон у гроба жены поставил «стражи крепкие» (Сол., с. 359), а царь и королевич к «сожительнице» приставили «старуху крепкую» (Валт., с. 90), Антиох к дочери «повеле стражи поставити» (Ап. Тир., с. 408), Пор повелел у сундука, в котором заключен Соломон, «стражей крепких поставити» (Сол., с. 361).

Телесное наказание описывается в трех повестях, при этом страдают царь, царевна и королевна. Царевне предсказано, что будет она «обещена, биена будет бичом по нагому телу», однако в действительности орудие наказания оказалось российским: царь «повеле девицу обнажити и кнутом пытати» (Судьб., с. 239—240). Василий наказывает Полиместру, «обнажив ю донага. И взял плеть-нагайку и нача ю бити по белому телу» (Вас., с. 401). Аггея, как и царевну в Судьб., бьют «кнутом» (с. 325).

Что же касается смертной казни, то ею персонажи, в основном, только угрожают. Царь Иван Васильевич грозит Шихалею: «И не поругайся моему царскому величеству, и не восприими нужных

себе и горчайшая смерти» (Мар. Тем., с. 32). Казни «горкой смертью» опасаются персонажи Сол. (с. 346), ее претерпевает жена купца Григория (Григ., с. 97). Казнь, которой царь пугает Шихалея («глава твоя отсечена да будет» — с. 35), избирает Аполлон, чтобы покарать злодеев («по различных муках главы их отсекоша» — с. 424), а Пор применяет к своей неверной жене («И повеле ей без пощады главу отсеши» — с. 358). Отравителей Марии Темрюковны царь «злой смерти предаде: в котле свари» (Мар. Тем., с. 37), «злой смертью» считает наш книжник и смерть от волхования (Григ., с. 95). Если казнив отравителей, царь «род их весь перевешал и з женами и детми», то в Сол. боярин Ичькило боится, что царь Давид велит не только его казнить, но «и жену и чад моих велит погубити» (с. 346). Отметим также поругание тел казненных — опять-таки и в угрозах («главу твою повелю отъяти и тело псом предати» — Ап. Тир., с. 410), и во внутрисюжетной реальности: расстреляв вместе с Валтасаром царицу и ее любовника-«поползня», царь «тело их повеле псом на едение повергнути» (Валт., с. 90).

Впрочем, наказания можно избежать, повинившись перед царем. Для этого прибегают к одним и тем же выражениям: «Помилуй мя, государь мой, виновата есмь перед тобою» (Вас., с. 402); «Помилуй мя, царю Соломоне, винен бо есмь пред тобою»; «Аз, раб твой, согреших перед тобою, великим царем» (Сол., с. 362, 351); «Согрешихом пред тобою, великий наш князе» (ЗПиФ., с. 296).

Еще один способ избежать казни или позорного наказания. Его применяет «мужик тот посадской», который был любовником матери Соломона и который, узнав, что Соломон остался жив, «приде в дом свой и удавился» (Сол., с. 351); пытается применить его и царица, приказавшая взорвать под своим «столпом» «бочку, полную зелия» (Судьб., с. 240).

Королевич Валтасар, узнав об измене жены, так страдает, что «есть ли бы у кралевича меч в руке был, то б мог сам себя заклати от печали тоя» (Валт., с. 88). И Полимистра угрожает Василию: «Не терплю поругания сего, сама себя смерти предам» (Вас., с. 402—403). Наконец, Лучница в редакции нашего книжника заявляет Апполонию, который хочет на время с ней расстаться: «Но не буди сего; аще ли же ни, то сама ся убию» (Ап. Тир., с. 415); самоубийством здесь угрожают также «цесаревна», дочь Антиоха, и Тарсиса. При этом поведение царевен и королевен автор считает героическим, ибо сопровождает их поступки рыцарскими сентенциями: «Лутче мне умерети, нежели обезчещеной быти» (Судьб., с. 240); «Ведай, отче, яко произволяю смерть паче, нежели срамны и скверны живот»; «Лутчи ми, окаяней, злая смерть, неже скверный и срамный живот!» (Ап. Тир., с. 408, 419).

Здесь можно видеть результат воздействия интерпретации самоубийства русским эпосом, сохранившим в этом вопросе верность языческой традиции (былины о Дунае и Сухане). Если вспомнить,

что церковь резко осуждала самоубийц, и учесть, что та же Полиестра и в той же самой сцене с неплохой богословской эрудицией умоляет Василия не трогать ее «ради самого бога, изливавшего святую свою кровь за наше согрешение» (Вас., с. 402), мы получаем еще один любопытный штрих для характеристики нашего гипотетического беллетриста.

У нас, однако, есть основания для того, чтобы соотнести эту условную фигуру с реальным книжником.

3. ФЕДОР ЗЛОБИН И ОТНОШЕНИЕ НАДПИСАННЫХ ИМ ТЕКСТОВ К СТИЛЕВЫМ КОНСТАНТАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НАШЕГО ГИПОТЕТИЧЕСКОГО КНИЖНИКА

Немногим более ста лет назад И. А. Шляпкин, известный филолог и собиратель древнерусской книжности, ввел в научный оборот стихотворное предисловие к рукописной копии издания 1717 г. «Троянской истории» из своего собрания. Предисловие это (нач.: «Фригийского царства державцов. . .») имеет акростих: «Феодор Злобин сию Историю написал памятию». И. А. Шляпкин предположил, что Феодор Злобин и есть «неизвестный переводчик или, вернее, составитель „Троянской истории“ по польскому оригиналу».⁴³

Сравнительно недавно О. В. Творогов пришел к выводу о том, что Ф. Злобин был не переводчиком (перевод относится к XVI в.), но автором одной из редакций «Троянской истории», а именно Печатной, в настоящей работе обозначаемой **Троян.** При этом исследователь привлекает к изучению вторую часть (л. 165—210) сборника БАН, Арханг. собр., С, № 160, конец XVII в., где на 205-м, последнем заполненном листе читается запись: «Таковы тетради писал, зыбирая от святых писаний памятию и устроевая на ползу человеком, своим от Бога данным разумом, желая прочим спасения, Феодор Иванов сын Злобын, бывшего астраханскаго архиепископа Пахомия брат двоюродной, будучи в скорби своей, марта в 2 день прошлого 180 г<ода>».⁴⁴

Атрибуция второй части сборника и **Троян.** Ф. И. Злобину опирается у О. В. Творогова на весьма убедительные соображения. Прежде всего, доказывается вторичность **Троян.** в отношении других, более ранних редакций «Троянской истории» (с. 65—69); выясняется, далее, что «Федор Злобин, составитель второй части сборника, «также писал вирши» (с. 70). Наконец, О. В. Творогов

⁴³ Шляпкин И. О переводчике «Троянской истории» // Библиограф. СПб., 1889. № 8—9. С. 95.

⁴⁴ Творогов О. В. Указ. соч. С. 69. Далее страницы этой работы указываем в тексте. Текст записи сверен с микрофильмом рукописи, за помощью в получении которого выражаю сердечную благодарность О. В. Творогову и Е. Г. Водолазкину.

обнаруживает дословные совпадения описаний бури в **Троян.** и во второй части сборника (с. 70—71).

Мы продолжим наблюдения О. В. Творогова, более полно, с одной стороны, привлекая текстовой материал второй части упомянутого сборника, а с другой — сопоставляя его уже не только с **Троян.**, но и с другими произведениями, принадлежность которых одному книжнику мы стремились доказать.

Вначале, однако, необходимо подробнее охарактеризовать текст, который О. В. Творогов считает возможным приписать Ф. И. Злобину в сборнике БАН, Арханг. собр., С, № 160, л. 165—204, об. здесь занимает цельное произведение, имеющее сейчас заглавие «Писание се предаю на восприятие честных рук твоих, православный читателю, написанное многорешною рукою мужа юродива» (далее — **Пис.**); в протографе, возможно, это был заголовок первого раздела (сам автор назвал, как мы видели, свое произведение «тетрати»), но в данной рукописи — в отличие от заголовков последующих разделов — переписчик отделил его от текста просветом в две строки.

Пис. — сугубо книжное, не рассчитанное на устное произнесение и в значительной степени компилятивное поучение, написанное действительно, как сказал Федор Злобин в записи, «зъбирая от святых писаний». Поучение это состоит из четырех разновеликих разделов. В маленьком вводном разделе (л. 165—166, об.) автор обсуждает с читателем причины, заставившие его взяться за перо. Второй раздел (л. 166, об.—187) имеет заголовок: «Паки же и се написание пред лице честности твоя предлагаю, в нем же содержится описана суета скверных дел моих и прочих подобных мне грешников. Ему же есть начало сицево». Самый обширный, этот раздел содержит развернутую метафору «мирская жизнь — морское путешествие» (л. 166, об.—169, об.), излагает начала немудреной «деятельной философии» (л. 169, об.—171), далее различными, однако вполне трафаретными способами показывает скорбное «нечувствие» — свое и читателя (л. 171—180, об.), угрожает читателю возмездием свыше (л. 181—184) и в заключение, напоминая о возможном спасении с помощью покаяния, возвращается к начальной метафоре. Содержание следующего раздела (л. 188—195, об.) полностью соответствует заглавию «Слово о чудных божиих творениях видимыя твари. Ему же начало». Последний, четвертый раздел «От того же паки слова ко православным и боголюбезным читателем» (л. 196—204, об.) содержит упреки читателям в неисполнении «повелений» Создателя и прочих грехах, благие примеры мучеников и преподобных, а также возвращение к некоторым мотивам предшествующих разделов.

Нет ничего удивительного в том, что это произведение учительной прозы конца XVII в. почти не привлекло внимания современников. Во-первых, подобная судьба ожидала и более интересные образцы позднего литературного красноречия, например «Статир». Во-вторых, внутренние достоинства **Пис.** весьма скромны. Богословская подготовка Федора Злобина элементарна, общая эруди-

ция отнюдь не восхищает, композицию **Пис.** не назовешь особенностройной. Этот несовершенный образец отечественной гомилетики приобретает, однако, важное, более того, определяющее значение для решения вопроса о том, был ли его автор, Федор Злобин, и автором рассматриваемого комплекса беллетристических произведений. Как мы видели, в этом комплексе находит свое место **Троян.**, однако ее текстуальные совпадения с **Пис.**, обнаруженные О. В. Твороговым, сами по себе не доказывают авторства Федора Злобина в отношении этой редакции «Троянской истории»: как справедливо отмечает О. В. Творогов, остается возможность того, что этот книжник был «лишь ее читателем и переписчиком» (с. 71). Однако если Федор Злобин был автором не только **Троян.**, но и всего беллетристического комплекса, то в бесспорно принадлежащем ему **Пис.** должна была оставить свои следы та же творческая индивидуальность, которая сформировала рассмотренный нами выше особый художественный мир. Такие следы, по нашему мнению, обнаружены.

Начнем с того, что Федор Злобин, который постоянно кается в «миролюбии», в пристрастии к «земным вещем», для традиционных в гомилетике восхищений божьими созданиями неожиданно обращается к образам человеческой, чаще женской, красоты. Вот описание небесного круга: «. . . яко же тело некое крепкою-неющееся цветущую всегда имеет образ своего красоту» (л. 189, об.). А вот речь зашла о сотворении времен года: «Устроил еси их сице благоличне ходити, яко же дев неких, благостройно шествующих и ликующих, друг друзей рукама соплетшихся» (л. 192, об.). Характерную окраску получает и развернутая метафора «душа — госпожа тела-корабля»: «Госпожу же корабля сего — душу нашу, яко же рабыню некую нищу, нагу и зловидну <. . .> в нем посадихом» (л. 169). В конце раздела Федор Злобин уверяет, что среди других наград раскаявшихся грешников ждет и такая: «И госпожу его (корабля. — *С. Р.*), душу нашу, от толика нещеты и тяжкаго зловидства на благообразии преложим и в чюдную добродетелей утварь облецем» (л. 186, об.). Под утварью здесь подразумеваются драгоценные украшения, такие, что упоминаются, например, в **ЗПиФ.**: князь Петр здесь «одеждей светлых и утварей всяких многоценных, елико мощно, взем на невесту свою» (с. 292).

Автор не забывает и «камения оного многоценнаго и драгого, царския венцы и порфиры украшающаго» (л. 193, об.). «Сокровища», к которым был так внимателен наш беллетрист, автор **Пис.** упоминает и в другом месте: «. . . каковая в себе от премудрости Твоя сокровища (в рукописи это слово ошибочно повторено. — *С. Р.*) иматъ на потребу человеком — злато, серебро. . .» (л. 190, 190, об.). Есть и упоминание «сокровища» духовного: святые «любовь же к богу и к человеком яко же некое сокровище соблюдающе» (**Пис.**, л. 201, об.); в **ЗПиФ.** вельможи и священники говорят Петру, что он «обрел еси сокровище себе полно камени безценных» (с. 292).

Обнаруживается в Пис. и противопоставление мудрости и невежества, осмысляемое, естественно, в иной системе ценностей — «аще кто боится Бога и хранит святая его повеления, есть во истинну философ», если же так не поступает, «всех невеждественне есть» (л. 170); напомним, что и ангел, трудившийся в монастыре, «потом бысть клирик и философ велий» (с. 149).

Знакомая нам по повестям оппозиция «царь—раб» также последовательно воплощается в Пис., в рассуждениях об отношениях человека с Богом, что, конечно же, само по себе обычно; интересно, однако, что при этом выясняется существование «божественных < . . . > уставов» (л. 174) (ср. «царский устав» в Валт., с. 86 и др.), а из всех традиционных обозначений божественных установлений Федор Злобин явно предпочитает «повеления» (л. 170, 172, об., 174 и др.).

Отметим также совпадения в словесной форме суждений о соотношении воли Божией и человеческой и воли царской и подданных: «по святей его воли о мне да сотворит» (Пис., л. 166, об.); «митрополит же повеле по воли его быти, рек: „Воля Господня да будет и твоя! Яко же хочеши, твори. . .“» (Мар. Тем., с. 34); «как хочеши, твори по своей воли» (Валт., с. 89). Сходно говорится и о греховном человеческом своеволии:

Пис.

. . . В воли окаяннаго моего сердца
 работах . . . (л. 165, об.);
 . . . волю свою, а не божию испол-
 нением (л. 199).

Ап. Тир.

Все же творяху по воли своего
 сердца (с. 407);
 . . . хотя волю свою исполнити . . .
 (с. 409).

Еще одна любопытная параллель. Наш неизвестный беллетрист дважды попробовал передать внутреннюю противоречивость, двойственность чувствований своих персонажей. Брат князя Петра князь Павел «велим радостен бе о смерти лукавого змия < . . . > Печален же бе о проказе и о скорби брата своего князя Петра» (ЗПиФ., с. 289). Тесть Аполлона в редакции нашего книжника говорит ему «Двоя мы обыдоша: радостная и печальная. Радуюся о величье чести твоя < . . . > Печаль же мя лютая угрызает, яко хочеши нас оставити» (Ап. Тир., с. 414). Однако и Федор Злобин начинает Пис. виршами:

Болезнь нудит мя вещати,
 Недостоинство же мое полевает ми молчати.
 Скорбь сердца моего поревает мя рещи,
 Грехи же мои възбраняют ми о том не брещи.
 И что сотворити, не вем,
 От обоуду бо содержим есмь (л. 165).

Вот еще одно соответствие. В произведениях нашего книжника не может не привлечь внимания интерес его к купечеству. Напомним, что гость Василий и «некий купец» выполняют функции советников и помощников героев Вас. и Валт., рыцарь-пилигрим из РД. превращается в купца, в роли гостя-«заморенина» дважды

выступает Соломон, его дружина и лазутчик царя Пора маскируются под купцов, а в речи троянского царевича, обсуждающего вопрос о войне и мире, появляется купеческий термин «прибыток» (с. 64). С другой стороны, и Федор Злобин, аллегорически сравнивая жизнь человека с морским путешествием, говорит о купцах, что именно они, в случае успеха «куплю свою умноживше и богатства приобретше, в дома своя во мнозем веселии приходят» (л. 167, об.).

Находят параллели и крестьянские сцены повестей. Федор Злобин в *Пис.* говорит о пахоте и севе — как реальных («орание и сеяние жит селных» — л. 193), так и об аллегорических («на селе души моя орю и сею семя злое грехов и беззаконий» — л. 165, об.; ср. сказанное Соломоном любовнику матери: «. . . чужую ниву ореши» — *Сол.*, с. 345).

Пристрастие к слову «величество», которое Р. П. Дмитриева считает одной из примет стиля автора *ЗПиФ.* и *Мар. Тем.*,⁴⁵ характеризует и стиль Федора Злобина (*Пис.*, л. 167, 190, об. и др.); есть близкие соответствия и на уровне словосочетаний: «сана величество во Христа облеченных» (*Пис.*, л. 172, об.); «таковаго величества и честности сана великих князей» (*ЗПиФ.*, с. 296). Встречается в *Пис.* и отмеченный Р. П. Дмитриевой оборот «и просто рещи» — в форме «и посполите рещи» (л. 203).

Объединяет *Пис.* с произведениями неизвестного книжника и присутствие украинизмов: кроме только что указанного «посполите», назовем «евангелиста» и «законодавца» (л. 172, оба слова в именительном падеже), «могутства» (л. 197, об.), «велможность» (л. 191), «жадным» в значении «ни одним» (л. 191), «выгнанцы» (л. 202, об.). Чтение *Пис.* «пророк, законодатель и предводитель» позволяет видеть украинизм и в форме «человеконенавидца», присутствующей в испорченной, но идентичной в обоих списках *ЗПиФ.* конструкции: «И искони же человеконенавидца и пронырливого дьявола, иже не престае ратуя < . . . > позавиде < . . . > напусти летящего змия» (с. 287); в оригинале переработки было: «Искони же ненавидя добра роду человеку, дьявол напусти».⁴⁶ В *Еписк.* находим «речь» (в значении «вещь» — л. 123) и «пекло», отсутствующие в источнике переделки — главе 50-й перевода «Великого зеркала»; следовательно, это не сохранные в нем полонизмы оригинала. В *Дим.* находим «шкапою» и «наймиту», при этом любопытно, что составитель *Житийной* редакции повести первое слово не понял и исправил на «сохою», а второе передал как «наемник».⁴⁷ Наконец, редактор *Ап. Тир.* сохранил оставленные его предшественником в тексте перевода из *РД.* полонизмы «голити» и «поставов» (кусков ткани), а в *ЗПиФ.* заменил словом «постав» великорусское «кросна», потому, видимо, что «голити» и «постав» были знакомы ему и по украинскому языку. В *Вас.* наряду с многократным упо-

⁴⁵ Дмитриева Р. П. Указ. соч. С. 136.

⁴⁶ Там же. С. 211; ср. с. 252.

⁴⁷ Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе. С. 366.

треблением русского «сокровище» встречается и его польско-украинский эквивалент — «скарбы» (с. 395, 403).

Далеко не исчерпав еще соответствия между Пис. и произведениями нашего гипотетического книжника, отметим, однако, что близость этих текстов преодолевала и такое немаловажное препятствие, как жанровые различия.

4. МАТЕРИАЛЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ НАШЕГО КНИЖНИКА И ПОКАЗАНИЯ ТЕКСТОВ ФЕДОРА ЗЛОБИНА

В авторской записи, воспроизведенной в рукописи Пис. и приведенной нами выше, Федор Иванович Злобин кроме своего полного имени и времени окончания работы над этим сочинением (2 марта 1672 г.) сказал о себе только, что он «бывшаго астраханского архиепископа Пахомия брат двоюродный» и что Пис. создавал, «будучи в скорби своей».

Архиепископ Пахомий умер в Астрахани во время эпидемии 1655 г., а так как он был поставлен архимандритом новгородского Хутынского монастыря в 1638 г.,⁴⁸ в год смерти ему было не менее 46 лет. Федор Злобин, как мы видели, не сообщает о своем возрасте в записи 1672 г., а в самом тексте Пис. высказывается на сей счет весьма туманно: он просит читателя «послушати мало повествуемых мною о случшихся и случающих ми ся напастей во оно мимошедшее время от ныне уже далнаго ми разстояния, егда аз грешный за изволением Творца моего и Бога от небытия в бытие приведен есмь» (л. 165, об.). Во всяком случае, так не пишут о годах преклонных, о старости. Можно думать, что Федор Злобин был много моложе своего двоюродного брата.

Есть основания предполагать, что в конце мая 1655 г., когда скончался Пахомий, Федор Злобин был в Астрахани и находился в возрасте, позволившем ему унаследовать некоторые книги из келейной библиотеки покойного или, во всяком случае, успеть с ними ознакомиться. Речь идет о переключках с текстами, восходящими к «архиву-библиотеке» нашего книжника.

Пахомий, как известно, был составителем особой редакции Хронографа. Его труд начинается «Летописчиком вкратце от сотворения мира до Потопа». Однако и наш автор предварил Мар. Тем. летописчиком, который озаглавил: «Начало. О сотворении мира» — и первая фраза которого представляет собой расчет лет «От Адама до потопа. . .» Вся же короткая «библейская» глава летописчика (л. 202—202, об.), как и начинающий Пахомиев Хронограф «Летописчик вкратце. . .», восходит в конечном счете к известному «Летописцу вскоре патриарха Никифора». Заканчивается первая часть Хронографа повестью о падении Констан-

⁴⁸ Зиборов В. К. Пахомий // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 87. Здесь и литература вопроса (с. 88).

тинополя в 1453 г., однако Пахомий обратился не к сочинению Нестора-Искандера, а к переделке И. С. Пересветова, список которой имелся, судя по Сборнику Якушкина, и у нашего беллетриста.

В заглавии второй части Хронографа Пахомий обещает сообщить, «от которого колена Российския и Словенския люди, почему именуется Россия и Словяне, и о создании Великого Новаграда». Здесь проявилось особое внимание Пахомия к известному хронографическому рассказу о Словене и Русе, граде Славенске и пр., которое разделял и наш книжник: «А Киев опосле Великого Новаграда сотворень спустя лет 2666, а Словенск сотворен в лето 4870, запрежде его никаких в Росии и Славенстей в земли градов не было» (Лет., л. 203); «Новъград, первое именовавый Славенск» (Сп. об., л. 201, об.).

Известно, наконец, что, будучи астраханским архиепископом, Пахомий защищал ногайских татар от притеснений воеводы Телятевского, а после ареста воеводы до прибытия из Москвы нового был фактическим правителем края. Можно думать, что именно от своего чиновного родственника перенял будущий автор Мар. Тем. уважение к тюркским народам, их культуре, идею мирного, дружного сожития с ними в составе Русского государства. В Астрахани он мог познакомиться и с устной, не дошедшей до нас версией присоединения Астраханского царства, легшей в основу фабулы его повести.

Федор Злобин заявляет о себе, что и «учимых сана не удостоил есмь» (Пис., л. 165). Если это не этикетное самоуничижение, то признание в неполучении образования. Действительно, ученость его не простирается далее Библии и гомилий Иоанна Златоуста; в крайнем случае, из вторых рук возможно знакомство с природоведческими главами «Богословия» Иоанна Дамаскина. Тем любопытнее отражение в его писаниях кое-каких познаний в греческом языке. Так, в Анг. обнаруживаются грецизмы: «флегмы», «параеклисиарх» и «милоть»; последнее слово в том же значении «одежды» находим и в Пис. («в милотех» — л. 202, об.). Царевич Соломон у нашего автора объясняет: «А тело именуется Христово — хлеб, пироя, пшеница» (с. 349). «Пироя» означает здесь сильно искаженное (при русской транскрипции? или при переписке?) «πρωας». В. П. Бударягин в последней своей работе о Вас. приходит к предположению о том, что «повесть была написана русским книжником, знакомым с греческим языком», и ссылается, в частности, на имя героини — Полиестра, которое в переводе с греческого означает «многосватанная, объект сватовства».⁴⁹

Что же касается украинизмов нашего книжника, то рядом с образцами великорусского просторечия и на фоне почти неуловимой «русскости» синтаксиса одиночные вкрапления полонизмов и украинизмов объясняются, как полагаем, языковым влиянием

⁴⁹ ПЛДР: XVII век. Кн. 1. С. 650—651 (комментарий В. П. Бударягина).

украинской книжности. Косвенным подтверждением может служить состав сборников, сохранивших части «архива-библиотеки»: в Сборнике ОЛДП находим главу о Марке-печернике из Киево-Печерского патерика — «из киевского патерика печатного (л. 161—622), а в собрании духовных песен, переписанном в Сборнике Якушкина, из 18 песен — 6 польских, транскрибированных кириллицей, и 5 украинских, не считая песен украинцев Епифания Славинецкого и Дмитрия Ростовского (Туптало), составленных на нейтральном «славянском» языке.

Социальное положение Федора Злобина ко времени составления записи, сопровождающей Пис., было настолько незначительным, или, точнее, его не удовлетворяющим, что он предпочел отрекомендоваться только родственником давно умершего архиепископа. При жизни двоюродного брата это родство обеспечивало ему место среди кормившихся «от жертвенника» людей. Известно ведь, что церковники и не столь высокого положения, какое занимал архиепископ Астраханский, содержали при себе в монастырях родственников. Так поступал, например, Симеон Полоцкий, а Семен Медведев, сам будучи еще бельцом, поселил с собою в Путивльской Молченской пустыни брата Бориса.⁵⁰ Но после смерти брата Федору Злобину оставалось только надеяться на знакомства, которые удалось завязать ранее.

Ко времени работы над Пис. его автор успел испытать капризы Фортуны, иначе не представлял бы себя на ее колесе («в колесовидном обращении века сего пребывах и еще пребываю, хождах и еще хожду» — л. 165, об.). Это «хождах и еще хожду» заставляет вспомнить постоянный мотив «путного шествия» в сочинениях нашего беллетриста (Федор Злобин задумывается и о дороге на небо: «От земли на небо во он небесный град шествие пути нашего есть» — л. 168, об.—169), а также присмотреться к прозвищам монахов, которых ангел (а также, разумеется, автор Анг.) предлагает спасти, выведя из подлежащего каре Божией монастыря: «. . . от клирик Андриана (*так!*) Юнейшаго, Никандра Похвальнаго, Даниила Пришлаго, Зосиму Беглаго. . .» (с. 158). Уже приходилось писать об обращении нашего автора к «говорящим» именам: вымышленный отравитель Марии Темрюковны стольник Василий Хомутов⁵¹ в Мар. Тем.; имя Разумник, которое принимает на себя скрывающийся Соломон, а также, согласно наблюдениям В. П. Бударагина, имя Полиместры в Вас. В этом контексте и прозвища монахов, перечисленных выше, означают качества, любезные автору в весьма несимпатичной ему монашеской среде, — «унейший», беглый, пришлый.

Перечень достойных спасения монахов получает в Анг. несколько неожиданное продолжение: «. . . а от слуг елико хотите,

⁵⁰ Браиловский С. Н. Письма Сильвестра Медведева. СПб., 1901. С. 10. (ПДПИ. Вып. 144).

⁵¹ Хомутать — сваливать на кого-либо чужую вину, клеветать и взводить напраслину (см.: *Даль Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 4. С. 560).

да писаря поймете Леоптия, и брата его Данцила» (с. 158). Внимание к бельцу-писарю выглядит у нашего книжника весьма многозначительно.

Возвращаясь к **Пис.**, отметим различие в тональности его заголовков и авторской записи Федора Злобина.

Пис.

...Написанное многогрешною рукою мужа юродива (л. 165);
...в нем же содержится описана суета скверных дел моих и прочих подобных мне грешников (л. 166, об).

Запись

Таковы тетради писал <...> устроенная на ползу человеком, своим от бога данным разумом, желая прочим спасения... (л. 205).

Осознание автором записи значения своего творчества противоречит самоуничижительному пафосу заголовков. Однако и внутри текста **Пис.** обнаруживаем подобное несоответствие. Сознавая огромность своей греховности («тину моих грехов добре сведый» — л. 165), автор заявляет: «И толико уже умножиша ми ся грехи и беззакония моя, яко уже от них невозможно ми ниже главы моя воздвигнути, ниже очию моею возвести» (л. 166).

О своих грехах Федор Злобин, к удивлению читателя, как различного и не говорит, а покаянный пафос разделяет если не со всем «православным» человечеством, то со своей воображаемой аудиторией. Все это заставляет думать, что покаянная тема **Пис.** не была вызвана личной творческой инициативой автора, а продиктована ему силой внешней, что в культурных условиях XVII в. означало давление либо прямой приказ духовного начальства.

Что же это была за вина, искупаемая которую, Федор Злобин взялся за перо в 1672 г., «будучи в скорби своей», вина, которая по прошествии времени, когда он сделал запись,⁵² не казалась ему уже существенной? Попробуем ответить на этот вопрос, обратившись для этого к перечням человеческих грехов, помещенных в **Пис.** Таких перечней три. Первый (л. 173, об.—174) насчитывает 16 «безумия нашего плодов» и написан в третьем лице, второй и третий изложены в первом лице множественного числа, следовательно автор формально соотносил эти грехи с собою. Второй перечень содержит, в основном, отступления от половой морали (л. 174, об.), а третий интересен уже тем, что похож на один из трех перечней монашеских грехов в **Анг.**, а именно на перечисление прегрешений «юних» монахов.

Пис.

Любим бо честь мира, взыскуем мугутства и суетныя славы, желаем богатств тленных, ищем сластолюбных наслаждений (л. 197, об).

Анг.

...Юнии же впадоша в пьянство, в блуд, и в славу, и в похвалу, и в честь, и в празднословие, и сквернословие (с. 156.)

⁵² О временной дистанции между созданием **Пис.** и записью свидетельствует и форма даты («прошлого 180 г(ода)»). В отличие от современного русского языка, тогда «прошлый год» не означал обязательно «предшествующий текущему».

Как видим, в **Пис.** честолюбие и славолюбие вынесены на первый план. Неизвестно, какое место в период создания произведения занимал Федор Злобин в околоцерковных кругах. Быть может, в самом деле был монастырским писарем-бельцом или выполнял поручения какого-то архиерея, доступные грамотному человеку. Как бы там ни было, слова: «Любим бо честь мира сего, взыскуем могущества и суетныя славы. . .» — выглядят более чем нелепо в устах мелкого церковника, действительно достойного в таком случае самоопределения как «мужа юродива». Естественно такое покаяние только в одном случае — если человек этот претендует на писательство. При таком восприятии текста становится понятным и настойчивое стремление Федора Злобина убедить читателя, что тот не должен помышлять его «учителский сан восхищающа» (л. 166, об., ср. л. 165). Можно догадаться, что именно попытка писательства и вызвала гнев начальствующего духовного лица, подвигнувший Федора Злобина на создание внешне столь покаянного **Пис.** И здесь уместно вспомнить редактирование им «Троянской истории».

Проанализировав перестановки в **Троян.**, О. В. Творогов заметил, что они объясняются, в частности, и «своеобразным чувством „авторства“, желанием принять более активное „участие“ в переработке переписываемого текста», и связал это явление с изученной Д. С. Лихачевым эмансипацией древнерусского книжника XVII в.⁵³ К этому можно только добавить, что Федор Злобин, меняя, например, местами эпизоды битвы греков с троянцами, должен был думать, что тем самым он дает новую трактовку изображенным здесь реальным событиям, а следовательно, выступает в качестве соперника не только автора «Троянской истории», но и Бога, как творца отраженной в ней действительности, — весьма соблазнительное занятие!

О. В. Творогов отмечает, что составитель **Троян.** «охотно предается (чаще всего от лица персонажей) рассуждениям о чести государства и власти, о причинах войн и возможности избежать конфликтов» (с. 67). В одном случае это сделано «от автора» (**Троян.**, с. 11), обращаясь непосредственно к читателю. Такие рассуждения могли действительно вызвать обвинение в претензии на «учителский сан».

Что же касается обвинений в честолюбии и тщеславии, то их могло вызвать стихотворное предисловие к **Троян.**, указывающее, в частности, имя автора. Попробуем теперь предположить, с чем могли быть связаны те изменения в судьбе Федора Злобина, которые позволили ему со временем отказаться от притворного самоуничтожения, подчеркнутого в **Пис.** Не исключено, что поможет нам в этом и особое пристрастие автора повестей к живописным и другим декоративным работам, отразившееся почти во всех произведениях нашего книжника.

⁵³ Творогов О. В. Редактор XVII века // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика В. В. Виноградова. Л., 1971. С. 48.

Начнем с **Мар. Тем.**, где царь Иван Васильевич велит построить часовню для крещения будущей царицы и украсить ее «чюдными иконами» (с. 34). Так и было сделано. «Повелеша древоделцем часовню строить, иконописцем же подписывать под шатром лета и день, и месяц, и повеление царево, и коего ради дела часовня сотворена бысть — тако архиепископ Гурии повеле сотворити во удивление прежде будущим родом. Потом иконами украси и подписа в ней стенным писмом» (с. 35). В **Сп. об.**, когда церковь была построена, «начаша изуграфии украшати ея стенным писмом» (л. 201, об.). В **Лет.** сообщается: «Воздвиже самъ Владимир в Кieve церковь во имя пресвятыя Богородицы и всякими чюдными лепотами украси ея» (л. 203, об.). В **Анг.** бояре «ветхий образ пресвятыя Богородицы украсиша утварию и сребром, и златом», а царь «созда храм пречюден зело во имя честнаго и славнаго ея Успения, пресвятыя Богородицы, и образ той ветхий украси» (с. 158, 159). Василий строит «двор свой < . . . > полаты каменные», и «вси удивилися таковому строению и украшению полат тех» (**Вас.**, с. 395). Оетес повелел «во своем царском дворе палату некую пречюдну и позлащену и мусиею украшену уготовати и лепотне украсити» ее для Язона (**Троян.**, с. 150).

Царь в **Судьб.** для дочери «устрои столп мраморен и позлати златом, и украси в нем всяким узорочием столы и седалища, и подножия, все златом и камением украси» (с. 240).

Для встречи персонажей украшаются и кареты: «И учреди корету, оковав златом, и опоны окрест украси камением и чистым жемчюгом» (**Судьб.**, с. 241); «И наряди ему корету златую от самага искуснаго злата» (**Сол.**, с. 351). Для царей украшаются и корабли: «И повеле устроить и украшати корабли» (**Ап. Тир.**, с. 414); «Въскоре убо повелевает уготовляти корабль и украшати его лепотне обычаем царским» (**Троян.**, с. 7). Шторм не мешает Аполлону для Лучницы «лодицу, еже у корабля, честно украсити» (**Ап. Тир.**, с. 415).

Уж на что малопривлекательное сооружение виселица, но и ее «столбы» Пор «велел украсити дивно, и исписати искусным златом» (**Сол.**, с. 361).

В повестях нашего книжника важную сюжетную роль выполняют портреты героев. Таков «образ» Марии в **Мар. Тем.**, и заказывает его русский царь именно как парадную парсуну XVII в. — «со устроением лепоты лица ея, в златом одеянии» (с. 32). Выполняют свою сюжетную функцию и «образ» королевича Валтасара, и вылитый «в воску образ подобия Григорьева», при этом неверные жены их одинаково объясняют необходимость иметь портрет мужа.

Валт.

Григ.

.. И стану на него зрети и тебя, сожителника своего драгаго, поминати, и вспаметовавши твою премьногу ко мне любовь, начну горко плакати. . .» (с. 87).

.. И образ твой того ради сотворила, чтобы мне зрети на него и твою б любовь во всяк час поминати. . .» (с. 97).

Но вот что обращает на себя внимание. Об украшении часовни Гурием сказано так, что можно понять, будто архиепископ сам расписывал ее стены: «. . . и подписка в ней стенным писмом» (**Мар. Тем.**, с. 35). Королевич Валтасар уж точно сам пишет «образа своего подоболичие», царица в **Судьб.** сама делает царский венец с тремя драгоценными камнями, «бе бо хитра зело» (с. 240). Королевна Полимистра оценивает не ценность перстня, а работу мастера — «зело зделан дивно» (**Вас.**, с. 397).

Достаточно красноречив в этом отношении и список ремесленников Трои в **Троян.**, где прежде всего упомянуты «ово иконописцы, ово образоресцы, ово левкасники» (с. 49). Для нашего автора, заставившего Соломона рассуждать о евхаристии, анахронизм — дело обычное. С другой стороны, и в системе средневековых ценностей первенство иконописцев естественно. Но не удивительно ли, что вслед за ними и скульпторами следуют «левкасники»? Не признак ли это причастности самого автора к иконописному художеству? ⁵⁴

Не будем спешить с выводами, а обратим внимание еще на одну особенность произведений нашего книжника. Героиню **Мар. Тем.** он называет Марией с самого начала повествования, хотя из летописного источника знал, видимо, ее имя до крещения — Кученей. Марией он называет в **ЗПиФ.** жену князя Павла, в оригинале безымянную, Мариями — обеих сестер-близнецов в **Анг.** Если в **Мар. Тем.** появление Успенского собора как места действия нескольких эпизодов обусловлено фабулой, а среди весьма немногих событий из истории Киевской Руси в **Лет.** упоминание церкви «во имя пресвятыя Богородицы» (л. 203, об.) можно считать случайным, то в **Анг.** «великая и пречестная обитель Успения пресвятыя Богородицы», одноименный «храм» и богородичная «икона болшая ветхая» возникли всецело по воле автора.

Думается, что указанные произведения создавались в период, когда их автор (как мы полагаем, Федор Злобин) принадлежал к причту одной из церквей, названных в честь Богородицы, скорее всего, Успенской; должность при церкви вполне могла сочетаться не только с интересом к иконописи, но и с профессиональным занятием этим ремеслом. ⁵⁵ С другой стороны, можно допустить,

⁵⁴ Ср. соображения В. И. Малышева о признаках принадлежности «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» «изографу» Василию, высказанные им в полемике с М. Н. Тихомировым: *Малышев В. И.* 1) Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.; Л., 1952. С. 24—25; 2) Где и кем была написана «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» // На берегах Великой. Псков, 1954. № 5. С. 170—176; *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVII веков. М., 1968. С. 350—351. Следует заметить, что упоминание «левкаса» в этой повести мотивировано деталью реального события: пущенное литовцами каменное ядро повредило икону Дмитрия Солунского — «у доспеха великое место <...> и левкас и до доски» (с. 85). В нашем случае такой мотивации не было.

⁵⁵ Из современников Федора Злобина назовем холмогорца Ивана Погорельского — писателя, иконописца и ключаря Спасо-Преображенского собора. См.: *Брюсова В. Г.* Холмогорский летописец и художник XVII в.: Об одном из авторов Двинской летописи // ТОДРЛ. Л., 1961. Т. 17. С. 445—453.

что именно занятая нашим автором должность церковного деятеля не позволила ему после **Троян.** и **Пис.** указывать свое имя на созданных им беллетристических произведениях.⁵⁶

Анонимность в этом случае была уместной и в силу определенного пристрастия нашего книжника к любовной теме. Если в **Троян.**, как отметил О. В. Творогов, «из романа почти совершенно устраняется любовная линия» (с. 68), то любовные сцены **Вас.** и **Валт.** несколько шокировали исследователей XIX в., увлекается ими наш автор и в **Сол.** В этом отношении знаменательно и признание царя Ивана Васильевича в письме к невесте: «А и аз, великий во царех, о твоей пресветлой доброте и лепоте возраста твоего в велицей скорби и тузе-печали есмь, не вем, како дожидатися и насладитися доброты твояе» (с. 35).⁵⁷

Еще одно наблюдение. Если в **Мар. Тем.**, **Судьб.**, **Ап. Тир.**, **Еписк.**, **ЗПиФ.**, **Троян.** красавицами только восхищаются (при этом в **Троян.**, как это установил О. В. Творогов, «рассуждения о женском непостоянстве» оригинала переосмыслены как упреки Брисеиде в ее измене троянцам (с. 69)), в **Григ.** изображение неверной жены еще обходится без морализаторства, то в **Валт.** и **Сол.** соответствующие эпизоды сопровождаются репликами автора: «О злая жена ехидна!» (**Сол.**, с. 359); «О злое острое дьяволе оружие! О, зло всего злее злая жена!» (**Валт.**, с. 94).

С психологической точки зрения, идеализированное отношение к женщине свойственно скорее молодости. К примеру, в известной «Беседе отца с сыном о женской злобе» защищает женщин сын, а нападает на них отец. Разумеется, данное наблюдение само по себе недостаточно для того, чтобы расположить произведения нашего книжника в определенной последовательности. Мы, однако, еще вернемся к этому вопросу.

Начнем с соотношения **Пис.** и **Троян.** Текстуальные совпадения описания морской бури и гибели кораблей в **Пис.** с рассказами **Троян.** о морской буре, погубившей войско Кастора и Поллукса, и буре в начале похода на Троию (с. 70—71) определенно свидетельствуют о том, что **Троян.** послужила здесь источником **Пис.**, а следовательно, была составлена раньше. К этому можно добавить, что определенные параллели к описанию гибели кораблей в **Пис.** обнаруживаем в аналогичном эпизоде **Ап. Тир.** Большинство из них возникли в результате сходства ситуаций, типологически, поэтому соответствующие детали есть и в **Троян.**, как источнике **Пис.**, и в оригинале **Ап. Тир.** Исключение составляет следующее соответствие.

⁵⁶ Так, анонимными были летописные записи ключаря Ивана Погорельского, а на Украине — священников-летописцев Михайла Гунашевского и Романа Ракушки-Романовского.

⁵⁷ Ср. в **Валт.**: «и не насыщуся доброты твоего зрака» (с. 87). Подобный оборот в **Мар. Тем.** («насладитися доброты твояе») ближе к источнику: в «Казанской истории» (далее — **КИ.**) пленница Сумбека просит покойного мужа забрать ее к себе, «да не насладятся иновернии красоты мояе» (Казанская история / Подгот. текста, вступ. ст. и прим. Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954. С. 99). Далее страницы этого издания указываем в тексте.

Встают бо им ветры противны, широкого моря глубины превращающе (л. 167, об.).

Воста ветр противный с полунощи, возбуди же волнение морское (с. 411).

Как уже отмечалось, в **ЗПиФ**. Феврония, в отличие от оригинала, «ткет» не «кросна», а «постав». Между тем в **Ап. Тир.** находим то же слово («постав») в близком значении, при этом, по наблюдениям Л. В. Соколовой, соответствующий отрывок в основном (добавим, с характерным для нашего автора присовокуплением и «золотых ковров» — с. 408) соответствует исходному тексту **РД.**, где это слово воспроизводит польское «postaw». ⁵⁸ Употребление рассматриваемого полонизма (или украинизма) ⁵⁹ выглядит в **ЗПиФ**. вторичным по отношению к **Ап. Тир.**

О воздействии **КИ.** на **Мар. Тем.** приходилось писать и автору этих строк, более подробные сопоставления были сделаны Т. Ф. Волковой и Р. В. Яковенко. ⁶⁰ Теперь приходится привлечь к сопоставлениям и **Троян.** В **КИ.** воевода-«приставник» утешает плененную Сумбеку: «Не бойся, госпожа царица, престани от горькаго плача, не на бесчестие бо и не на смерть идеши с нами на Русь, но на великую же честь к Москве ведем тя, и тамо госпожа многим будеши < . . . > самодержец < . . . > даст на Руси некия грады своя вместо Казани, в них царьствовати < . . . > И есть на Москве много царей юных, по твоей версте» (с. 100). В **Троян.** Парис уговаривает захваченную им в плен Елену: «Или паки о царствии своем печалуеши? И то, госпоже, отнюдь не по рассмотрению же твориши: от малого бо своего царствия в великия изменишася. Не веси ли, яко мнози суть царства Троянскому скипетру повинни» (с. 83). Наконец, царь Иван Васильевич пишет Марии Темрюковне: «Сама же в великую печаль не вдавайся, яко от царствия в царствие идеши» (**Мар. Тем.**, с. 35). Как легко убедиться, мысли, изложенные в отрывке из **КИ.**, использованы в сходной ситуации в **Троян.**, а суть их наиболее четко сформулирована в **Мар. Тем.** Не результат ли это определенного обобщения в художественном сознании автора уже однажды адаптированного им текста?

Сумбека плывет в струге, «в нем же иногда сам царь (казанский. — С. Р.) на потеху яздыше, борз хождением, подобен летанию птицы» (с. 100). Тот же корабль, «в нем же казанский царь на реке Волге шествие и утешение, и веселие приимаше», приведен для Марии Темрюковны, при этом «подобен орлову летанию чердак у корабля, весь стеклян вылит. . .» (с. 34). Наконец, в **Ап. Тир.** лодку с телом Лучницы волны «птичным летанием друга дру-

⁵⁸ Соколова Л. В. Об источнике перевода Повести об Аполлонии Тирском // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 349.

⁵⁹ «Постав < . . . > Штука, кусок (материи)». — Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Киев, 1909. Т. 3. С. 308.

⁶⁰ Волкова Т. Ф., Яковенко Р. В. Особенности сюжетного повествования в повести XVII века о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1987. С. 32—34.

зей препосылаху» (с. 416). Ясно, что «подобен орлову летанию» в **Мар. Тем.** представляет собой творческое переосмысление образа, найденного в **КИ.**, однако автору вспомнилось и апокалипсическое «Четверто животное — сказаеть орле высокое летание» (4, 7). В **Ап. Тир.** образ (если он действительно восходит к **КИ.**) ближе к источнику и словесной формой, и содержанием: струг «борз хождением», а волны передают друг другу лодку быстро. С этой точки зрения, гипотеза о воздействии на **Ап. Тир.** непосредственно **КИ.** предпочтительнее.

Явно вторичная деталь обнаруживается в **Валт. Королевич** Валтасар заявляет здесь царю, под властью которого оказался: «Царю, время ми итти в своя царская сокровища» (с. 89). Между тем по сюжету у Валтасара никаких «сокровищ», тем более царских, быть не может. Зато в **Вас. и Мар. Тем.** мотив сокровищ, принадлежащих героям, имеет сюжетную функцию. Эта примета роднит все три произведения.

Что же касается **Вас.**, то в самом начале повести о главном герое сказано: «И таковыя ради красоты его прозва отец его Златовласом, понеже у него власы, аки злато, сияют» (с. 389). В. П. Бударрагин считает, что прозвище главного героя восходит к греческому $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\varsigma \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ («светловолосый, рыжеволосый» (или «золотоволосый») народ). «Этот термин греки употребляли по отношению к чужим могущественным варварским народам < . . . >, с которыми связывалось представление о всевозможных несчастьях, разрушениях, гибели. Но этот же термин по отношению к грекам имел прямо противоположное значение, т. е. народ красивый, благородный, умный и пр.».⁶¹ Однако кальку с греческого видеть здесь затруднительно уже потому, что Василий не грек, а чех. «Красота, разум и благородство» Василия, которые, по мнению В. П. Бударрагина, соответствуют семантике его прозвища, являются в художественной системе нашего книжника обязательными для героя-юноши.

Можно найти более простое объяснение прозвищу Василия. Дело в том, что в новелле об Александре и Лодвике из «Повести о семи мудрецах» (которую, напомним, наш автор читал) об Александре сказано, что он «доброобразен и красен велми: власы главы его, аки злато чистое, сам же премудр велми».⁶² Это едва ли не «общее место» мужской красоты находим и в описании внешности Париса в галерее «портретов» участников Троянской войны, сохраненной и редактором **Троян.**: «Власы же желты имяше, и вси власы его, ако златое блистание подаваху» (с. 98).

Прежде чем высказать предположение о последовательности создания рассматриваемых произведений, условимся считать наличие украинизмов и полонизмов приметой более раннего происхождения текста, а их отсутствие — более позднего. Постепенное

⁶¹ Бударрагин В. П. О происхождении «Повести о Василии Златовласом королевиче Чешской земли» // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 274.

⁶² ПЛДР: XVII век. Кн. 1. С. 240.

исчезновение соответствующей лексики у русского беллетриста естественно и в том случае, если, как мы думаем, она появилась в его текстах под воздействием украинской книжности и обильного полонизмами РД., и в том случае, если наш автор окажется украинцем по происхождению.

Итак, выясняются три группы текстов: ранняя (**Ап. Тир.**, **Троян.**, **Пис.**), средняя (**Мар. Тем.**, **Анг.**, **ЗПиФ.**, **Лет.**) и поздняя (**Валт.**, **Сол.**). Первая группа характеризуется наличием украинизмов и полонизмов (в **Троян.** они, по-видимому, исчезли при подготовке ее к печати, однако осталось: «Час ми есть изыти. . .» — с. 24), идеализацией женщины, отсутствием упоминаний о Богородице — для сюжетов **Ап. Тир.** и **Троян.**, правда, ненужных, однако в **Пис.** скорее ожидаемых. В произведениях второй группы находим минимальное количество полонизмов и украинизмов (иногда их вообще нет), продолжающуюся идеализацию женщин, особое внимание к храмам и иконам, связанным с Богородицей, и к имени Марья. В третьей группе окончательно исчезают украинизмы и следы особого пиетета к Богородице, возникают эротические сцены, изменяется к худшему отношение к женщине.

Не нашли своего места в этой схеме **Дим.**, **Судьб.**, **Вас.**, **Агг.**, **Сп. Об.**, **Еписк.**, **Григ.** В **Дим.** есть украинизмы, лучший ее список содержится в Сборнике ОЛДП вместе с **Мар. Тем.**, **Лет.** и **ЗПиФ.**, что и является решающим фактором для отнесения этой повести ко второй группе: идеализация женщины и пиетет к Богородице могли не отразиться в ней как в связи с особой идеологической установкой, так и из-за малого объема текста. В **Еписк.** есть полонизм и украинизм, есть и восхищение красотой и мудростью девицы-дьявола, а следы культа Богородицы обнаруживаются в литературном окружении повести в Сборнике Якушкина, где в собрании духовных песен большинство либо обращены к Богородице, либо (рождественские) изображают ее как персонаж. Кроме того, в **Еписк.** как источник для переделки была использована новелла из «Великого зеркала», переписанная в Сборнике ОЛДП. В соответствии с признаками, которыми мы руководствуемся, **Вас.** занимает промежуточное положение между второй и третьей группами, место **Судьб.**, **Агг.** и **Григ.**, несмотря на сюжетную связь двух первых с **Дим.**, а последней — с **Ап. Тир.**, по происхождению оригинала переделки, остается неясным.

Теперь попробуем снабдить получившуюся цепочку произведений (точнее, их групп) некоторыми хронологическими ориентирами. Первый из них — завершение **Пис.**, датированное 2 марта 1672 г. Следовательно, **Троян.** и **Ап. Тир.** созданы раньше, а произведения второй и третьей групп позже этой даты. Вторая примета — отражения Петровской эпохи в **Вас.** Во-первых, отец Василия рассуждает о невозможности для него «ехать явочным лицом» во Францию (с. 391). Здесь, возможно, претворилось впечатление от открытой Петром I для себя возможности путешествовать инкогнито. Во всяком случае, составитель Двинского летописца, сообщая о приезде царя в Холмогоры в 1693 г., говорит о том, что

от пристани он ехал «явным царским лицом».⁶³ Во-вторых, Василий, взяв с собою 30 отроков, «облече их и себя в матрозкое платье, и бысть на корабле матрозами» (с. 391). Слово «матроз», кажется, в русском языке впервые встречается в бумагах Петра I 1690-х гг.⁶⁴

К сожалению, попытка Е. К. Ромодановской датировать *Дим.* мало чем может нам помочь. Исследовательница считает, что повесть была, «судя по всему», создана «в Типографской библиотеке» и «не позднее начала 1720-х гг. Нижней границей ее создания может служить 1710 г.»⁶⁵ Эта датировка опирается на гипотезы, во-первых, о непосредственном источнике *Дим.*, во-вторых — о времени знакомства автора *Дим.* с этим источником, в-третьих — «о внутренней противоречивости» и «официальном» характере образа главного героя повести, а также на результаты палеографического изучения Сборника ОЛДП.

Е. К. Ромодановская считает, что автор непосредственно отталкивался от «Повести об искушении бога, о царе некоем», переписанной в 1665 г. новгородским посадским С. В. Жюлевым в составе его «Цветника», реквизируемого у старообрядцев и помещенного в Типографскую библиотеку в 1710 г.⁶⁶ Начнем с того, что сходство двух деталей в разработках сюжета о «гордом царе» в *Дим.* и в этой повести — в действительности весьма относительное⁶⁷ — не может иметь принципиального значения, коль скоро речь идет о традиционном, живущем и в устном бытовании сюжете. Далее, если даже стать на точку зрения Е. К. Ромодановской, то остается неясным, почему ее предположение: «. . . может быть, при жизни С. В. Жюлева, т. е. минимум до 1690-х гг., он не покидал его дома?»⁶⁸ — обращается в дальнейших рассуждениях уже в постулат? Что мешало С. В. Жюлеву дать переписанный им «Цветник», о котором идет речь, кому-нибудь для прочтения? Наконец, разве из записи, приведенной Е. К. Ромодановской, не ясно, что сборник был отобран у старообрядцев, а следовательно, и до 1710 г. имел иных читателей помимо составителя?

⁶³ ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33: Холмогорская летопись; Двинской летописец. С. 193.

⁶⁴ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1982. Вып. 9 (М). С. 47.

⁶⁵ Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе. . . С. 229—236.

⁶⁶ Там же. С. 226—230.

⁶⁷ Так, Е. К. Ромодановская отмечает: «Как и у С. В. Жюлева, герой ее (*Дим.* — С. Р.) на охоте заблудился в лесу, где его ограбили разбойники, — таким образом сохранен более традиционный мотив потери одежды при подмене царя: разбойники же, как уже говорилось, упоминаются и в Повести С. В. Жюлева» (там же. С. 230). Отметим, что в Повести С. В. Жюлева царь не теряет одежды, а за «храбрителя» принимают его самого. Следующее сопоставление: «Димитрий приходит в деревню и просит хлеба у крестьянина — у С. В. Жюлева: „пришед в некую весь хлеба ради“» (там же). Димитрий, однако, просит не «хлеба», а говорит: «Призри на мя, господине, и накорми мя алчного» (там же. С. 362). После этого он нанимается к крестьянину, в то время как царя Повести С. В. Жюлева именно в той «веси» принимают за грабителя и «бивше до мертва» (там же. С. 286).

⁶⁸ Там же. С. 229.

Что же касается мысли о «внутренней противоречивости» Дим., которая выражается главным образом в «соединении в герое Повести черт гордого царя и святого, которому „ангелы помогают“»,⁶⁹ то это наблюдение верное и интересное. Только объясняется оно не происхождением «в официальных кругах» и не тем, что Дим. «противостояла изображению царей в драматургии начала XVIII в., отличавшейся антипетровской направленностью». Чудесную помощь Димитрию следует рассматривать как проявление царистской идеологии нашего автора, у которого и мальчик Соломон, вынужденный жить в крестьянской семье, обеспечивает хозяину небывалый урожай. Не исключено, что на формирование в его творческом сознании такого образа гордого царя оказала воздействие работа над ЗПиФ., где «благочестивый великий князь Петр» тоже ошибается, не распознав святости Февронии, однако кается и исправляет ошибку. Таким образом, у нашего беллетриста хватало и внутренних побуждений для изображения «великого князя» Димитрия «благочестивым».

Сборник ОЛДП Е. К. Ромодановская датирует по филиграммам «рубежом 1710-х—1720-х гг.», переплет рукописи — «не ранее 1719 г., поскольку для переплета были использованы документы с этой датой».⁷⁰ Если эта датировка и верна (как уже приходилось писать, водяные знаки допускают и более раннюю датировку), она относится к рукописи (кстати, документ с датой 1719 г. мог быть составлен и раньше, и позже создания рукописи, для переплета которой был использован), но не произведениям, в нее входящим.

С этой точки зрения протограф Сборника ОЛДП может быть отнесен ко времени не ранее конца 1680-х гг., так как самое позднее произведение в окружении интересующих нас текстов — список второго перевода (по классификации О. А. Державиной — 2-й группы, II типа) «Великого Зерцала»,⁷¹ а самая ранняя дата на учтенных списках «повоперевереденных повестей» — 1689 г., в конце которого («197 году июня в 27 день») сборник ГПБ, собр. Погодина, № 1380 продал «вологжанин дьякон Павел Иванов».⁷²

Таким образом, тексты второй и третьей групп произведений нашего книжника приходится датировать весьма широко — двумя последними десятилетиями XVII—началом XVIII в.

⁶⁹ Там же. С. 236.

⁷⁰ Там же. С. 235.

⁷¹ Л. 1—106. Оглавление без начала и конца, не соответствующее составу рукописи, последняя, 84-я глава — «Повесть об Удоне», 85-я — «Плачание и рыдание к своей душе» (л. 106, об.—107). В монографии О. А. Державиной «„Великое Зерцало“ и его судьба на русской почве» (М., 1965) этот список не учтен.

⁷² Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 161.

5. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ФЕДОРА ЗЛОБИНА И ЯРОСЛАВСКИЙ СЛЕД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАШЕГО НЕИЗВЕСТНОГО КНИЖНИКА

Хотя Федор Злобин в молодые годы и был связан с Астраханью, в дальнейшем ему, судя по всему, пришлось перебраться на Северо-Запад России; во всяком случае, там оказались рукописи его произведений. Крайней северной точкой их перемещения была холмогорская резиденция архиепископа Афанасия, известного сподвижника Петра I. Об этом свидетельствует запись на л. 4 сборника БАН, Арханг. собр., С, № 160: «Сия книга Стезя животная преосвященнаго Афанасия, архиепископа Холмогорскаго и Важескаго, келейная, описана в поход великого государя у града Архангелска в 200 году». Запись эта относится одновременно и к первой части сборника, которая собственно и составляет «книгу» «Стезя животная» со своим особым оглавлением и отдельной пагинацией тетрадей, и ко второй части его — Пис. Дата здесь неточна: согласно Двинскому летописцу,⁷³ Петр I в первый раз посетил Архангельск не в 7200, а в конце 7201—начале 7202 г. (28 июля—12 сентября 1693 г.).

Данную запись можно понимать двояко. Во-первых, слова «в поход великого государя у града Архангелска» допустимо рассматривать всего лишь как обозначение времени переписки по памятному для окружения Афанасия событию. В этом случае запись была сделана до 12 февраля 1694 г., когда Петр I снова приехал «на Холмогоры и к Архангельскому городу».⁷⁴ Во-вторых, вполне вероятно, что переписать рукопись оказалось возможным именно в указанный конкретный момент посещения царем Холмогор и Архангельска, потому что в это время Афанасий обратил внимание на ее протограф, находившийся у кого-то из прибывших с Петром лиц. Возможность для этого действительно возникла между 6 и 10 августа 1693 г., когда Петр «изволил путешествовать на море ветром шелоником», а «начальных и чиновных людей изволил оставить до своего пришествия у города Архангельскаго».⁷⁵

Однако если и в самом деле у кого-то из прибывших с Петром и находился протограф Пис., то у него же были взяты для переписки и тетради «Стези животной», вопрос об авторе которой еще не решен, но которая переписана иным почерком, нежели принадлежащее Федору Злобину Пис. Следует отметить, что Пис. воспроизведено почерком, принадлежащим к тому же типу, что и основной почерк Сборника Якушкина и Сборника ОЛДП; полагаем, что сходство обусловлено желанием писца воссоздать почерк протографа. Любопытно, что этот писец воспроизводил свой протограф потетрадно, при этом получал тетради для переписки не в той последовательности, в которой они составляют Пис. Таким об-

⁷³ Двинский летописец // ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 192—196.

⁷⁴ Там же. С. 197.

⁷⁵ Там же. С. 194—195.

разом, протограф Пис. не был переплетен, существовал в тетрадах, к которым и относится «Таковы тетрати. . .» в записи Федора Злобина 1672 г. и которые поэтому следует рассматривать как его автограф.

Таинственный владелец этих тетрадей заставляет нас вспомнить о не менее таинственном лице, сумевшем через 15 лет заинтересовать Петра I (в общем равнодушного к литературе) отнюдь не популярной в рукописном обиходе (ни одного списка!) Троян. и добиться ее напечатания «повелением царского величества».

Переходим теперь к ярославскому следу писательской и книжной деятельности нашего книжника, не менее яркому и загадочному, чем холмогорский и московский — Федора Злобина.

Одна из записей в Сборнике ОЛДП фиксирует чтение рукописи «Балахонского уезда <. . .> деревни Пронина» крестьянином Иваном Ивановичем Волковым. Такая локализация рукописи в конце XVIII—начале XIX в. подкрепляла осторожно высказанное нами в свое время предположение о том, что автор Мар. Тем. работал в Поволжье.

Между тем на свободных листах переписанного той же рукой Сборника Якушкина читаются, как уже отмечалось, летописные записи о событиях в Ярославле за 1737—1763 гг. Записи эти заставляют по-новому взглянуть на обрывок документа 1719 г., использованный для оклейки доски переплета Сборника ОЛДП: «. . . а пошлиных денег <. . .> веле<. . .> <т>ритцати по одном рубле на год. И в нынешнем 719 году <. . .> дня великому государю бил челом одного отец москвитин Алексея Щученькова зборов ис тех оброку отдать ему в пр. . .» Итак, рукопись была переплетена человеком, имевшим доступ к черновым бумагам одной из провинциальных канцелярий, как теперь можно догадаться — Ярославской таможни, о которой упоминает автор одной из записей в Сборнике Якушкина: «1737 году мая в 20 день на память (имя святого не названо, следовало назвать мученика Фалалея. — С. Р.) волею Божию был пожар во граде Ярославле. Погорели три церкви, Бориса и Хлеба (*так!*) и Леонтия-чюдотворца, и все ряды, ратуша и тамошня, кабак и соляная и дворов множество» (л. 121).

Если Сборник ОЛДП сохранил крестьянские владельческие и читательские записи (был он, впрочем, и у «Егора-иерея» — л. 286, об.), то автор записей 1737—1763 гг. на свободных листах Сборника Якушкина, судя по одной из них, явно личного характера, видимо, происходил из среды ярославского посада: «Месяца февраля (*так!*) девятого дня взята лавка у Ивана Претрова (*так!*) Вызгалова, лавка цена па пяти рублей». К этому можно добавить, что обе рукописи отнюдь не свидетельствуют об особом достатке их переписчика. Так, в Сборнике Якушкина использован лист бумаги с внушительной дырой (л. 73), при этом текст обходит дыру с обеих сторон, у другого (л. 145) был оторван уголок еще до переписки: номер листа по старой буквенной пагинации (283) представлен ниже обрыва.

О том, что Сборник Якушкина не только бытовал,⁷⁶ но и переписан был в Ярославле, более того, о том, что и некоторые тексты частично воспроизведенной им «архива-библиотеки» Федора Злобина и возникли в этом городе, свидетельствует замечание на л. 161 (последнем, 309-м, по старой пагинации; при последнем переплете листы перепутаны), перед заглавием статьи «Царие, царствующие в Константине-граде, православне иже и еретицы»: «Выписано ис писмянной книги Спасова монастыря из книгохранительной».

Принадлежность пометы (и текста, к которому она относится) «архиву-библиотеке» удостоверяется совпадением формы ее и подобной в Сборнике ОЛДП: «Выписано из киевского патерика печатного» (л. 161). Попробуем доказать, что речь идет именно о Спасо-Преображенском монастыре в Ярославле. Прежде всего, «книгохранительные полаты» или «книгохранительницы» были только в самых крупных из наиболее известных и значительных, степенных монастырей, в остальных книги хранились в церквях.⁷⁷ Далее, судя по «Описи книгам < . . . > 161 году», из степенных монастырей только Переяслава Рязанского Спаской монастырь назывался, как и Ярославский, Спасским, однако в нем не было «книгохранительной», а четких книг было 13 (в списке «из Ярославля Спаского монастыря» — 86).⁷⁸ В этих условиях совпадение слов «Спасова монастыря» и летописных записей ярославца на чистых листах рукописи указывают на то, что в помете говорится о Спасо-Ярославском монастыре.

Статья «Царие, царствующие в Константине-граде. . .», заглавие которой сопровождает заинтересовавшая нас помета, представляет собой перечень византийских императоров, в древнерусских исторических сборниках появляющийся в XV в.⁷⁹ Между тем в «книгохранительной» Спасо-Ярославского монастыря, как свидетельствует опись «158 году», в середине XVII в. не было светских книг на историческую тематику (если не считать таковой «Книгу Козмы Индикоплова, в десь, в лица»).⁸⁰ Однако в описи монастыря, датированной 25 мая 1701 г., названа «Книга Хронограф письменная в десь».⁸¹ По свидетельству Е. М. Караваевой, изучившей опись 1788 г., и в это время «Хронограф в десь» оста-

⁷⁶ Собрание рукописей Е. И. Якушкина, известного историка и этнографа, составилось в Ярославле, где он жил с 1859 по 1905 г. См. о нем: Равич Л. М. Евгений Иванович Якушкин: (1826—1905). Л., 1989.

⁷⁷ См.: Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 162.

⁷⁸ Ундольский В. Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке // ЧОИДР. М., 1948. Кн. 6. Отд. 4. Смес. С. 39—41.

⁷⁹ См.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 28—29, 147, 191.

⁸⁰ Ундольский В. Указ. соч. С. 39.

⁸¹ Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1984. С. 70.

вался «единственной светской рукописью книгохранилища».⁸² Следовательно, именно из этой рукописи, появившейся в Спасо-Ярославской библиотеке между 1650-м и 1701 гг. и большинством исследователей отождествляемой с Мусин-Пушкинским сборником, содержащим «Слово о полку Игореве», должен был сделать свою выписку наш неизвестный книжник.

Поскольку объем настоящей работы ограничен, а мне уже приходилось излагать результаты поиска в произведениях рассматриваемого беллетристического комплекса отголосков произведений из состава Мусин-Пушкинского сборника, вынужден отослать читателя к соответствующей статье.⁸³ Здесь я остановлюсь только на некоторых из таких отголосков — как правило, связанных с книжностью Ярославля, а также на вновь сделанных наблюдениях.

Начинавший Мусин-Пушкинский сборник хронограф относился, как это установил О. В. Творогов, к Распространенной редакции 1617 г.⁸⁴ Между тем и заглавие *Лет.*, и его единственное византийское известие («В лето 5843. Было и настало по Максентии царство великаго царя Константина христианского перваго» — л. 202, об.), и основной текстовой материал главки об истории Киевской Руси — все это восходит к Хронографу 1617 г. Кроме того, имя Евстратий для введенного нашим книжником в ЗПиФ. персонажа он мог взять и из Хронографа 1617 г., где Евстратий — второе имя византийского полководца Велизария.⁸⁵

В прошлом столетии Н. С. Тихонравов приобрел в Ярославле рукопись, две тетради которой, подписанные «ярославцем Семеном Малковым» в 1744 г., содержат неполный список «Девгениева деяния» в той же редакции, которая была в Мусин-Пушкинском сборнике. Г. Н. Моисеева предположила здесь существование «списка-посредника XVII—начала XVIII в.».⁸⁶ Сопоставление ярославского списка и выписок из Мусин-Пушкинского сборника Н. М. Карамзина, проведенное М. Н. Сперанским и дополненное В. Д. Кузьминой, привело, в частности, к выводу о наличии в первом незначительной перефразировки текста.⁸⁷ Среди этих перефразировок и чтений, по другим спискам неизвестных, есть и такие, которые оказываются близки манере нашего книжника. Девгений здесь, собираясь «на ловы», говорит: «... имам упование на

⁸² Каравалева Е. М. Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 г.: К истории рукописи «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 82.

⁸³ Росовецький С. К. Слідами Мусин-Пушкінського збірника із «Словом о полку Ігоревім» // Писемність Київської Русі і становлення української літератури. Київ, 1988. С. 83—87.

⁸⁴ Творогов О. В. К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 139.

⁸⁵ См.: Дубовик Н. П. К изучению Повести о воеводе Евстратии // ТОДРЛ. 1974. Т. 28. С. 343.

⁸⁶ Моисеева Г. Н. Указ. соч. С. 66.

⁸⁷ Кузьмина В. Д. Девгениево деяние. М., 1962. С. 46—47. Список ГБЛ, собр. Тихонравова, № 399 цитируем по этому изданию (с. 143—156, фотокопия — с. 185—211).

сотворшаго бога» (с. 144); после охоты «придоша в дома своя вси и начаша веселитися» (с. 146, ср. заключительную фразу Дим.); герой отсекает у змея «3 главы», как и князь Петр в ЗПиФ.; текст пестрит «повеле», при этом в местах, не всегда уместных: хотя рядом отец, «Амера царь», «повеле юноша борзо ко граду погнати» (с. 146). Находим здесь и «облечесь во многоценныя ризы», и золотые атрибуты, и торжественную встречу героя «за 8 поприщ от града с великою честию» (с. 152). Укажем еще своеобразную переключку с Мар. Тем. вокруг оборота, не часто встречающегося в древнерусской литературе: Девгений берет у Стратига «дары многи < . . > и все имение, еже было, не весть чего прият» (с. 152), а Шихалей обещает Теврюгу: «Он тебя, государь наш, не ведаешь чем пожалует» (с. 31).

Продолжив палеографический анализ ярославского списка 1744 г., мы обнаружили, что, во-первых, Семеном Малковым были переписаны обе тетради с отрывками «Девгениева деяния» (см. начало его записи на л. 14) и, во-вторых, что его почерк здесь представляет собою более грубый, с меньшими количеством вариантов начертаний одной буквы образец того же типа почерка, которым владел переписчик «архива-библиотеки» нашего автора. В-третьих, там, где Малков писал с особой поспешностью, крупно и размашисто (л. 16, 18, об., см. в особенности последние строки), его почерк становится очень близким к почерку автора записей на свободных листах Сборника Якушкина (см. особенно заговор «на кровь» на л. 34, об.). И последнее. Протограф «архива-библиотеки», как уже отмечалось, был написан без разделения на слова. Не разделен текст на слова и в тетрадях Малкова, в то время как в записях он делал пробелы. О принадлежности Малкова к посаду Ярославля можно судить по записи последующего владельца его рукописи («Ярославец посацкой человек Федотов Андрей» — л. 8, об.), а это та же культурная среда, в которой бытовал и Сборник Якушкина.

Все это позволяет утверждать, что Семен Малков переписывал «Девгениево деяние» не из Спасо-Ярославского хронографа, но со списка, уже отредактированного, как полагаем, нашим книжником, который, судя по помете в Сборнике Якушкина, бывал в библиотеке монастыря.

Теперь последнее наблюдение. Речь пойдет о давно известной параллели со «Словом о полку Игореве» в поздних списках «Повести об Акире».

«Слово о полку Игореве»

«Повесть об Акире»

Коли соколь въ мытехъ бываетъ,
высоко птиць възбиваетъ; не дасть
гнѣзда своего въ обиду.⁸⁸

Коли был сокол трех мытей, и он
того гнезда не доваша своего в обиду.⁸⁹

⁸⁸ Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича. . . М., 1800. С. 27.

⁸⁹ ГБЛ, Муз. собр., ф. 29, № 1567, л. 10, об. Цит. по: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. Б. Л. Виноградова. Л., 1969. Вып. 3. С. 127.

Загадочность этой параллели в том, что воздействие «Слова» испытали тексты поздних редакций — Третьей и восходящей к ней Четвертой (по классификации Н. Н. Дурново—О. В. Творогова). Загадочность эта несколько рассеивается, коль скоро мы убеждаемся в том, что Третья редакция весьма близка — как по принципам работы редактора, изученным О. В. Твороговым,⁹⁰ так и по его художественной манере — к произведениям нашего беллетриста.

И здесь фольклоризация сюжета сочетается с христианизацией, и здесь безымянная в оригинале редакции жена Акира получает, как и жена князя Павла в ЗПиФ., имя. Имя это — Феодулия, равно как и имя, данное здесь преступнику, казненному вместо Акира, — Сутырь, такое же «говорящее», как у ряда персонажей рассматривавшихся выше повестей.⁹¹ Проявляется здесь и пристрастие редактора к эпически преувеличенным числам: Акир имеет «в дому своем 6 тысяч отроков своих», а Шихалей оставляет в Астрахани «силы 500000 стрелцов» (с. 34), в Анг. от руки одного только ангела гибнет «поганых срацын 35900 человек» (с. 158).

О. В. Творогов отмечает, что под пером редактора Акир уже «не просто „книгчий“, он — всесильный вельможа „у великаго царя Синографа“, „многа множества под ним царств держаща, землю Аливитскую и Анизорскую“». ⁹² Этот статус Акира вполне отвечает положению Шихалея (также мудрого советника и помощника царя), получившего в финале **Мар. Тем.** Казанское и Астраханское царства, и воеводы в Анг., получившего в награду от царя «Агалимскую страну» (с. 151).

Наконец, в Третьей редакции введена сцена «встречи» и «узнавания» Акира женой, которая со слезами «глаголаше ему: „О мое Алевицкое солнце! Откуда еси ты возсияло?“» (ср. в Григ.: «Откуда мне солнце возсия и от печалныя зимы обогрело?» — с. 96). Далее: «Одеяние бысть на Феодулии — кожа верблюжья», что вполне естественно, поскольку жена Акира приставлена была Анаданом «у стада верблюжья». Однако сама деталь — вполне в контексте бытовых представлений нашего книжника: Соломон у него говорит о «скоте овене», что человек в его «кожу весь облачается — и главу, и руце, и нозе» (с. 349); отметим, что и у Федора Злобина праведники ходили «в козях кожах» (**Пис.**, л. 202, об., ср. **Евр.**, 11, 37). О. В. Творогов, отмечает, что «в списках другого вида < . . . > добавлено: „нози ее обулены быша лычяницами“»⁹³ (ср. символику лыковой обуви в **Сол.** и **Вас.**). Акир пьет «разныя питья», как и персонажи повестей нашего книжника.

⁹⁰ Творогов О. В. Переводная беллетристика XI—XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 173—177. Текст Третьей редакции цитируем по реконструкции ее О. В. Твороговым.

⁹¹ Феодулия — Послуга Богу (см.: Лексикон славеноросский и имен тлькованіе. . . / Тщаніем < . . . > Памвы Берынды. . . Киев, 1627. Стб. 410); Сутырь — спорить, вздорить, упираться; заводить тяжбы или жалобы (см.: **Даль В.** Указ. соч. Т. 4. С. 365).

⁹² Творогов О. В. Переводная беллетристика XI—XIII вв. С. 175.

⁹³ Там же. С. 177, прим. 72.

Существенным представляется нам факт одинаковой перефразировки и распространения афоризма о сыне и холопе старшей редакции «Повести об Акире» в Третьей ее редакции и в Сол.

Третья редакция
«Повести об Акире»

Сол.

Не рожден — не сын, не окуплен — не холоп, не вскормя себе, врага не видать.⁹⁴

Не рожден-де — не сын, не откуплен — не холоп. Вспоя и вскормля, врага не видит (с. 347).

Гипотеза о принадлежности архетипа Третьей редакции «Повести об Акире» к литературной продукции нашего книжника, познакомившегося в свое время с прибавлениями к хронографу, хранившемуся в Спасо-Ярославском монастыре, может объяснить и некоторые стилистические соответствия ее с ярославским списком «Девгениева деяния». В самом деле, обращение Стратиговны к герою: «Свете светозарны, о прекрасное солнце!» (с. 148) — могло послужить одним из литературных впечатлений, вызвавших в художественном сознании нашего автора обращения жен к героям Третьей редакции и Григ. Далее, приготовления Акира к походу в Египет (он велит «отроком своим седлати пардусы (*так!*) борзые и фарижи белыя < . . . > и на себя класти златокованныя доспехи») вполне могли возникнуть и под влиянием описания сборов на бой Девгения: «И повеле Девгений фара своего борзого седлати, а сам облечесь во многоценныя ризы» (с. 149).

* * *

В заключение попробую сам оценить результаты проверки выдвинутой в начале настоящей статьи рабочей гипотезы. Начну с того, что наиболее обоснованной выглядит атрибуция одному книжнику группы текстов из сборников ОЛДП и Якушкина, бесспорно также следы его деятельности в Поволжье, в частности — в Ярославле. Однако соотношение нашего анонимного автора с Федором Злобиным остается недостаточно аргументированным. Тут обнаруживаются по крайней мере два слабых места.

Первое: отождествление неизвестного книжника с Федором Злобиным осуществляется — если не считать нескольких наблюдений текстологического характера и косвенных соображений — путем сближения Троян. и Пис., с одной стороны, и произведений из Сборников ОЛДП и Якушкина — с другой, с достаточно обширным комплексом текстов, внутреннее единство которых мы стремились доказать.

Меня не смущает здесь сама по себе возможность приписать большое количество текстов одному автору. Действительно, боль-

⁹⁴ Цит. по: Кузьмина В. Д. Указ. соч. С. 101. Источник распространения — пословица «Не вскормя, врага не видать» (Пословицы народные, собранные по алфавиту / Публ. А. И. Германовича // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 37).

шинство повестей XV—XVI вв. и их редакций XVII—XVIII вв. анонимны, а среди произведений XVII—начала XVIII в. встречаются и такие дошедшие лишь в одном списке памятники, как «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Фроле Скобееве». Однако из этого еще не следует, что каждый из беллетристов этого периода обязательно и непременно был «автором одной книги». Те, кто так думают, бессознательно отождествляют реальный литературный процесс XVII в. с состоянием наших знаний о нем. Нелишне отметить также, что общий объем атрибутируемого нашему гипотетическому книжнику весьма скромнен в сравнении с литературным наследием таких его современников, как Аввакум, Симеон Полоцкий, Евфимий Чудовский, Димитрий Ростовский.

Не смущает меня и попытка выявить внутреннюю эволюцию нашего гипотетического беллетриста. Человек, проживший жизнь с пером в руках, не мог не отразить в своих произведениях те изменения, которые происходили с годами в его собственной психологии, в его восприятии меняющейся действительности. У того же Симеона Полоцкого уже в Москве явственно изменилось отношение к античной мифологии и усилилась «надиндивидуальность» стиля.⁹⁵ Напомню также, что оба автора — и реальный, и наш предполагаемый — творили в эпоху переломную. . .

Трудность в другом. Единство художественного мира, реконструируемого нами во втором разделе статьи, может иметь два объяснения. Возможно, что он и в самом деле принадлежит одному писателю. Однако нынешнее состояние изучения беллетристики XVII—начала XVIII в. не позволяет ни принять этот вывод с полной уверенностью, ни отбросить второе, не менее правдоподобное объяснение: речь идет о целом стилевом течении в беллетристике, достаточно четко противопоставленном, с одной стороны, фольклоризированному поздним редакциям «Бовы» и «Еруслана Лазаревича», а с другой — безлично-агиографическому стилю «Великого Зеркала». Здесь нужны новые исследования, которые позволят более конкретно представить процессы развития русской беллетристики этого периода и для которых, можно надеяться, опыт настоящей работы окажется небесполезным.

Второе слабое место. Если соотнесение автора **Мар. Тем.** с тем книжником, благодаря которому беллетристические тексты из прибавлений к Спасо-Ярославскому хронографу проникли в ярославский посад, а затем и к другим последним книжникам Древней Руси, выглядит, на наш взгляд, вполне вероятным, то отождествление их обоих с Федором Злобиным весьма уязвимо. И дело здесь не только в несходстве судеб сочинений автора **Мар. Тем.**, сохранившихся в сборниках с явно старообрядческой окраской (такая окраска свойственна и второму списку ЗПиФ.), и таких произведений Федора Злобина, как **Троян.** и **Пис.** Важно, что не обнаружены

⁹⁵ См.: *Білецький О. І.* Симеон Полоцький та українське письменство XVII ст. // *Матеріали до вивчення української літератури.* Київ, 1959. Т. 1. С. 320—323.

прямые связи с Ярославом самого Федора Злобина. Он, во всяком случае, не фигурирует в изданных переписных и описных книгах Ярослава XVII в. Тут, правда, надо учитывать, что это документы военно-учетные, и живущие в монастырях ими вовсе не упоминались и что отчества, прозвища и фамилии переписываемых часто в них не назывались.⁹⁶ Остается надежда на новые находки в архивах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложении публикуются *Лет.*, *Сп. об.* и *Еписк.*

Публикуемый первым *Лет.* относится к традиции демократического летописания, которой так богата вторая половина XVII в. Его первая, библейско-византийская главка наибольшую близость обнаруживает в столь же кратких экстрактах из русских переделок «Летописца вскоре» патриарха Никифора, которые читаются в хронографических сборниках.⁹⁷ Последняя фраза здесь: «В лето 5843. Было и настало по Максентии царство великаго царя Константина христианского перваго» — есть не что иное, как сокращенный пересказ заглавия и первой фразы главы 79 Хронографа 1617 г.: «Начало христианских царей. Отселе царство первое святаго и великаго христианскаго царя Константина. В лето 5843 по Максентии царствова в Риме великий Константин» (л. 285).

Вторая главка, рассказывающая о событиях Киевской Руси, включает повторы начальных фраз целой цепочки известий Хронографа 1617 г.: «. . . в лето 6496. Потом же сотвори (Владимир. — С. Р.) брак и поя себе Анну-княгиню» (л. 397); «. . . в лето 6524 Ярослав прииде на Светополка. . .»; «В лето 6525 заложи Ярослав град Киев. . .»; «В лето 6526 прииде Святополк со множеством печенег на Ярослава. . .» (л. 397, об.); «В лето 6545 совершился град Киев и церковь святую Софию. . .»; «В лето 6560 (в *Лет.* — 6565. — С. Р.) начало Печерскаго монастыря» (л. 398).⁹⁸

⁹⁶ Поэтому сохраняется возможность, что Федор Злобин был одним из тех жителей Ярослава, которые названы здесь как «Звиженской понамар Федка» (опись 1671 г.), «безмесной поп Федор» (описи 1669, 1669/1670, 1671 гг.), «Микитцкой понамар Федка» (опись 1669/1670 гг.), «Златоуской поп Федор» (опись 1669 г.) и даже «пристав Федор Иванов» (Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль, 1913. Стб. 522, 282, 397, 517, 458, 386, 487).

⁹⁷ См., например: ЦНБ АН УССР, VIII, № 114 (146), XVIII в., л. 292—293, об.; № 112 (144), XVII в., л. 20—20, об. Далее цитируем содержащийся в последней рукописи (л. 72 и след.). Хронограф 1617 г. Основной редакции, указывая листы в тексте.

⁹⁸ В заглавии *Лет.* («Начало. О сотворении мира»), на первый взгляд не соответствующем содержанию, можно видеть своего рода выборку из обширного заглавия Хронографа 1617 г.: «Книга, глаголемая хронограф, рекше начало писменом царских родов, от многих летописец, преже от Бытия о сотворении мира. . .» (подчеркнуто мной. — С. Р.).

Основной же повествовательный материал сообщений этой главки **Лет.** принадлежит самому его составителю, опирающемуся при этом и на поздние летописные источники (например, о полате в Курсуни, месте крещения Владимира), однако больше руководствовавшемуся при этом собственным разумением и фантазией. При этом он, как об этом уже приходилось упоминать, проявляет определенную заботу и о семантических связях между **Лет.** и формально продолжающей его **Мар. Тем.:** сообщение о браке Владимира с греческой «княгиней» Анной предваряет основную тему повести, гибель Бориса и Глеба (здесь — сыновей Анны, хотя в основном источнике автора — Хронографе 1617 г. это сыновья «от болгарыни») — финал ее; находят аналогии в сюжете повести и сообщении о построении церквей, и сведения о древнем Киеве, который будто бы был «дерновой < . . . > а ров был 9 сажень» (ср. в **Мар. Тем.:** «А в те поры Астракань была дерновая, в верх 9 сажень»).

Второй публикуемый текст, **Сп. об.**, является оригинальной редакцией известной повести о Спасове образе в куполе Новгородской Софии. Текстологическая неизученность рукописной традиции этого произведения⁹⁹ не позволяет с уверенностью судить, только ли вмешательством нашего книжника объясняется большинство отличий этой Краткой редакции от напечатанной в составе Новгородской третьей летописи.¹⁰⁰ Бесспорно ему принадлежащей полагаем фантастическую деталь о постройке Софии «благословением и повелением» первокрестителя Новгорода Иоакима, его руку выдает и упоминание здесь мифического Славенска. Обе эти детали, впрочем, не только помогают атрибутировать текст одному из зачинателей отечественной исторической беллетристики, но косвенно подкрепляют его отождествление с Федором Злобыным, дядя которого, Пахомий, был архимандритом Хутынского монастыря в 1638—1641 гг.

Наконец, **Еписк.** представляет собою, как это уже отмечалось, пересказ главы 50-й второго перевода «Великого Зеркала», озаглавленной: «О еже подобает святых божиих яко предстателей и помощников стяжати и прилежание и веру имети к ним».¹⁰¹

Русского книжника конца XVII в. сюжет этой новеллы мог привлечь уже тем, что в качестве одного из персонажей в ней выступает апостол Андрей, на Руси издавна пользовавшийся особым почетом. Во второй половине XVII в. его культ активно использовался идеологами господствующей церкви в полемике со старообрядцами. Дело в том, что в свое время царь Михаил Федорович получил «в благословение» от вселенского патриарха константи-

⁹⁹ См.: Брюсова В. Г. Фреска Вседержителя новгородской Софии и легенда о Спасовом образе // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 57—58.

¹⁰⁰ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 181—182.

¹⁰¹ Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. С. 225—226. Сверка текста этой главы с рукописью ГБЛ, собр. Ундольского, № 532, указанной в качестве основного текста, показала, что фактически эта глава издана здесь по другой рукописи, а из этой перенесены только отдельные чтения.

нопольского Парфения кисть руки апостола Андрея; «правильным сложением ее перстов» патриарх Иоаким и обличал своих противников.¹⁰²

С другой стороны, русского книжника должны были заинтересовать в этой новелле «гадания» (здесь это не загадки, а скорее замысловатые вопросы) мнимой «девы», на которые успешно отвечает мнимый странник. Здесь начитанный книжник то и дело должен был испытывать радость узнавания. Так ответ на первый вопрос соответствует помещенному в «Поучении» Владимира Мономаха рассуждению о «разноличии» человечества. Это, конечно, текст уникальный, зато доступен был «Луцидарий», где ученик спрашивал о различии облика животных, однако учитель свое объяснение применял и к человеку.¹⁰³ Второй вопрос («Где есть земля выше неба?») и ответ на него имеют более богословский характер, однако параллели к ним обнаруживаются также в апокрифе — «Беседе трех святителей»: «. . . которое естество на небеси и на земли»? От<вет>: Бог, человек, родися царь господь Иисус Христос».¹⁰⁴ Последний вопрос, о расстоянии от земли до неба, приходится решать уже не только героям «Беседы трех святителей» и «Прения Панагиота со Азимитом», но и мудрому отроку в беллетристической «Повести о Басарге».

Нашего редактора, как представляется, в первую очередь должны были привлечь в новелле ее потенции как увлекательного, занимательного повествования, некоторые из которых, явно не использованные в лежащем перед ним списке «Великого зеркала», он и попытался реализовать сам.

Начнем с того, что более живо, красочно описывается поведение епископа за столом с мнимой девицей: здесь он вначале «часто посматривает на нее, а уж затем «уже от частого зрения красоты ее едва мог где инуде очи свои отвести, егда бо оной устремися. И сердце его было поражено раною».

Победа странника в состязании с девицей тщательно готовится нашим редактором, прежде всего путем предварительного преувеличения мудрости его противницы. Поэтому если в источнике редакции девица сразу предлагает, что она задаст страннику вопрос, то здесь она делает это предложение в нейтральной форме и берется сама задать вопрос только после того, как «ни един ничтоже такового предложити возмогл», и после обращения к ней епископа: «Дево, яко всем еси нас — мудростию и глаголанием — превосходиши, задай ты каковое гадание».

В рассказе о самом поединке редактор стремится подчеркнуть (подобно тому, как это делается в сказке) нарастающую сложность вопросов и поэтому заставляет девицу предварять трудность второго и третьего «гадания»: «Еще ему будет другое гадание мудре-

¹⁰² Михайловский В. Святыи апостол Андрей Первозванный. 3-е изд. СПб., 1904. С. 33.

¹⁰³ Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о повозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С. 449.

¹⁰⁴ Там же. С. 382; ср. с. 384.

иши того задано»; «Еще ему третье гадание потребно задать, от всех труднейшо». Ответы странника сокращаются, из второго убирается действительно лишнее здесь богословское суждение о том, что «матерняя нам есть земля, ибо Спаситель наш в тленную нашу плоть облечеса кроме греха». Третий и последний ответ мнимого странника, эффектно развязывающий сюжетный узел новеллы, наш редактор постарался изложить как можно резче и динамичнее.

Второй перевод «Великого зеркала»

Еписк.

Иди рцы к пославшему тя, — он сие весть и да скажет вам, — он убо путь сий премерил есть, егда с небесе со отцем своим Люцифецом до ада низвержен. Извести убо епископу, ибо сия девица, иже сказася яко царская дочь, то есть враг дьявол.¹⁰⁵

Повеждь ему, кто тебе послал: он про то лутше ведат и дасть же отповедь на то, понеже он тое до рогу премерил, когда с неба до пекла спаде.

Начало **Еписк.** в Сборнике Якушкина отсутствует, и читавшие новеллу в этой рукописи только из слов странника узнавали, что епископ едва не согрешил не с девицей, а с дьяволом, принявшим этот облик. Эффект неожиданности финала был при этом, конечно, более действен, нежели в источнике редакции, где о подвохе дьявола было сообщено еще в начале новеллы. Как обстояло с этим дело в авторском тексте **Еписк.**?

Думается, что наш беллетрист, столь внимательно готовивший развязку в своей редакции новеллы, мог позаботиться и о том, чтобы убрать слишком раннюю разгадку тайны девицы. Иначе трудно объяснить, зачем ему понадобилось — при общем сокращении новеллы — в середине повествования напоминать об участии дьявола в действии: «. . . тогда дьявол тяшкую ему рану задал» (ср. «так о бо его бес прелстил»). Бес (в Древней Руси отнюдь не тождественный дьяволу)¹⁰⁶ появился здесь вместе с поговоркой, а дьявол выступает просто как недоброжелатель епископа, враг, сущность хитрости которого не раскрывается.

Лет. и Сп. об. печатаются по Сборнику ОЛДП, л. 202—204 и 201, об.—202, **Еписк.** — по Сборнику Якушкина, л. 122—124 (по старой, буквенной пагинации — л. 218—220). Тексты издаются по правилам, принятым в ТОДРЛ.

¹⁰⁵ *Державина О. А.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. С. 227. Текст выправлен по рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 532, л. 131.

¹⁰⁶ См., в частности: *Отроковский В. М.* Демонологические мотивы в древнерусской литературе: По поводу книги Ф. А. Рязановского «Демонология в древнерусской литературе» (М., 1916) // *Писемність Київської Русі і становлення української літератури*. С. 298—308.

1. НАЧАЛО. О СОТВОРЕНИИ МИРА ¹

От Адама до потопа лет 2242. А от потопа до столпотворения и разделения язык 2540, от ²преселения вавилонского³ лета 3402. А от разделения язык до Авраама лет 540. От Адама до Авраама 3322 лета. От Авраама до Моисея 630 лет. А от Моисея до Давида-царя 500 лет. И от Давида-царя до преселения вавилонского 330 лет.

А от преселения Вавилонского до Александра, царя Македонского 318 лет.

А от Александра-царя до рождества пресвятыя Богородицы 305 лет.

А от сотворения мира до рождества пресвятыя Богородицы ⁴ 5486 лет. ||

А от рождества пресвятыя Богородицы до зачатия ⁵ Иоанна Предтечи 16 лет.

А от зачатия Иоанна Предтечи до Благовещения пресвятыя Богородицы 6 месяц.

А от Благовещения пресвятыя Богородицы до рождества Христова 9 месяц.

А от рождества Христова до крещения Его 30 лет.

А от крещения Господня до вознесения Господня, еже на небеса, 3 лета и месяц пять.

А от Адама до вознесения Господня 5533 лета и месяц пять. Преставление святых апостоль Петра и Павла в лета 5565 июня в 29 день.

В лето 5843. Было и настало по Максентии царство великаго царя Константина христианского перваго.

В ⁶ лета 6494 было крещение Владимирово ⁷ в Корсуне. В лето 6496 сотвори себе Владимир брак, поят за себе княгиню Анну, сестру греческих царей Василия и Константина в Корсуне же. Корсунь—град стоит на море Понтиском,⁸ || разорень же до основания от крымского хана. Одна на градовом месте стоит полата, в ней же Владимир брак сотвори, поят за себе княгиню Анну, от нея же родишася сынове Борис и Глеб, во святом крещении ⁹ нареченных Романа и Давида. А убиени бывша от окаяннаго Святополка в лето 6523 июля в 24 день.

В лета 6524 Ярослав прииде на Святополка и изгна его ис Киева.

В лета 6525 заложи Ярослав град Киев подле земляные осипи по большому посаду дерновой, а башни каменные. И делали ево три лета. А преже Киевъ был земляной, осыпь высока, а ров былъ 9 сажень, а через ров мост был одинъ, и выездные, и выездные ворота одне. А Киев опосле Великого Новаграда сотворень спустя лет

¹ На полях напротив заглавия тем же почерком: Глава 137. ²⁻³ Испр., в ркп. ПВ (под титлом). ⁴ Далее в ркп. вытерто до за. ⁵ Испр., в ркп. зачия. ⁶ На поле напротив тем же почерком: Глава 138. ⁷ Испр., в ркп. Владимирово. ⁸ В ркп. ошибочно повторено ском. ⁹ В ркп. нет, добавлено по смыслу.

2666. А Словенск сотворен в лето 4870, запрежде его никаких в Росии и Славенстей в земли градов не было. ||

В лето 6527 прииде Святополк на Ярослава со множеством печенег. И зле ратован бысть от Ярослава, и зле душу испроверже ¹⁰ окаянный, убиен бысть Ярославом. Воинство же его все разбегошася.

В лето 6545 совершися град Киев и церковь святыя Софии заложена великимъ княземъ Владимиром, и делали ея 11 лет. А после крещения Владимирова воздвиже самъ Владимир в Киеве церковь во имя пресвятыя Богородицы и всякими чудными лепотами украси ея, и самъ в ней погребесея.

В лето 6565 начало Печерского монастыря, иже в Киеве. Началники же монастыря того Антоний Великий, иже пострижень бысть во святей Афонъстей горе, и Феодосий Великий. Антоний же священнаго чина на себе не восприя до смерти. Феодосий же игумень бысть хиротонисанъ Лариономъ — митрополитом, первопрестолникомъ киевскимъ.

2. О СВЯТЕЙ СОФИИ, КАКО СОТВОРЕНА БЫТЬ В ВЕЛИКОМ НОВЕГРАДЕ

В лета 6566-го при архиепископе Стефане Великого Новаграда поставлена соборная церковь святыя Софии Премудрости Божия благословением и повелением преосвященнаго архиепископа Иоакима греческаго, иже первее крести Новъград, первее именованый Славенск. И егда совершися церковь святыя Софии и начаша изуграфии украшати ея стенным писмом — изуграфи же беша из Царяграда — и писаша образ Спасителя нашего Бога, иже во облаце, идеже ныне зрим есть и видимъ всеми, писаху его з благословенною рукою.

И глас бысть от иконы образа Господня глаголющъ: «О писари, писарии, писарие! Не пишете мене благословенною рукою, но пишете мене зъжатою рукою. Егда распространится моя рука, тогда вашему Новуграду будет скончание».

И тако || повелением великаго Бога написаша зъжатою рукою, еже и доныне всемъ зримъ есть, зрящих же на него устрашая, яко всемъ глаголати: «Дивна дела Твоя, Господи!» ||

3. ПОВЕСТЬ О ЕПИСКОПЕ, ДЕВИЦЕ И СТРАННИКЕ

. . . «идеже бы во благоговении и в молитве сокровеннаго молчания употребити и жизни сей бедствований сохранитися могла». Епископ же удивляясь о ней — доброте рождения ея и красоте телесней, горячести, распалению духовному и такому красному

¹⁰ В ркп. исправлено из первоначального испровержень.

глаголанию, — любезно ей отвеща, глаголя: «Буди, дщи,¹ без печали и не ужасайся. Вем бо, Его же ради любви тако себе богатство и родителей мужественно пренебрегла еси, то тебе за то в жизни сей умножение любви, а в будущем совершенство вечной хвалы воздасть сего ради. Тем же и аз, раб Его, чесо ти будет потребно, всего довольно дати обещаю. Избери же себе, где угодно ти будет, место во обитание. А днесь хочу, да обедуеши со мною на трапезе».² Она же отвеща ему: «Отче святой, остави быти сему, дабы удобности откуду зазрения³ не имел бы для ясности славы твоя, святыни, не было коим любо⁴ образом на ны порушения». Отвеща ей епископ: «Будет нас у стола немало,⁵ || тем же ни единого зазрения».

Тогда, пришедши до стола, повеле ю епископ противу себе посадити, иных же по обеим странам. Зряще же на ню епископ часто ⁶и уже от частого зренья красоты ея⁷ едва мог где инуде ⁸очи свои отвести,⁹ егда бо оной устремися. И сердце его было поражено раною: егда же епископ лице ея не ста ¹⁰зрети, тогда диавол тяшкую ему рану задал. И уже был зело ¹¹блиско на грех: егда было возможно место, бы было и падению — тако бо его бес предстил.

И внезапно странныи некий ¹²пришедши, нача во врата толцати, велегласно вопити, чтобы его до епископа пустили. Но егда не хотеша его, он же нача болши толцати и велегласно вопити. Епископ же вопроси ту жену, годно ли ей покажется, еже бы пущен был до него той человек. Она же рече: «Загадати бы ему каковое трудное гадание, которое еже истолкует, тогда его пустят семо. || Аще ли не будет умети, яко негодного епископскаго обеда да не пустят». И угодно бысть всем намеряние се, но ни един ничтоже такового предложити возмогл. Епископ же рече: «Дево, яко всем еси нас — мудростию и глаголанием — превосходиши, задай ты каковое гадание».

Тогда она глагола: «Да вопросят его: в чем есть велие чудо Господь Бог в малом виде в малой речи учинил?» Егда же то странному сказаша, он же отвеща: «Разность и красота лиц человеческих, зане между множеством людей, котории были и ныне суть, и будут до скончания света, два не могут обрестися, коих бы лица всякою мерою подобны были. Такожде в том малейшем людей Бог всемогущий все телесныя чюства, смыслы положил». Услышавши его отповедь, все удивившас, глаголаху: «Зело изрядный ответ!».

Тогда глагола жена: «Еще ему будет другое гадание мудреиши того задано, || чтобы мы болюю ведомость мудрости его имели. Да вопросят его: где есть земля высша, нежели небо?» Предложено то гадание странному, он же отповеда: «На высочайшем небе, где

¹ Испр., в ркп. тщи. ² В ркп. той же рукой испр. из прапезе ³⁻⁵ В ркп. выделено. ⁴ В ркп. над строкой. ⁶⁻⁷ В ркп. выделено. ⁸⁻⁹ В ркп. выделено. ¹⁰ В ркп. исправлено на не преста. ¹¹ В ркп. далее зачеркнуто бли ¹² Испр., в ркп. неки.

седит тело Христово. Оно бо есть выше всех небес вознесенно, есть тело ис тела нашего, зане тело наше ¹³ есть некая часть земли. Сего ради где тело Христово есть, тамо истинна земля выше есть, нежели небо». Сказаша же страннаго ответ, и вси удивихася ответу его.

Тогда она глагола: «Еще ему третье гадание потребно задать, от всех труднейше, дабы еще наипаче его мудрости истинное свидетельство было и был достоин до стола епископскаго. Еще ¹⁴ да повесть: ¹⁵ от земли до неба далеко ли?» Странный то услышав и рече посланному: ¹⁶ «Повеждь ему, кто тебе послал: он про то лутше ведат ¹⁷ и дасть же ¹⁸ отповедь на то, понеже он тое дорогу премерил, когда с неба до пекла спаде. ¹⁹ || Ни есть бо то жена, но диявол». Услышавши то, посланный зело убояся и то, что слышав, пред всеми поведи. Егда же вси недоумевахуся, неприятель же старый от среды их изчезе.

Тогда епископ, пришед в себе, сурово укоряше и за грех свои зело з горким плачем кая ся. И послав вскоре привестьи того страннаго, но нигде же его обрести не возмогоша. Епископ же повеле людей сосозвати и все деяние им объявил. И повеле ²⁰ всем в посте и в молитве пребывати, чтобы Господь Бог изволил кому объявити, кто той странник-пустынник был, иже его от таковаго великаго падения избавил. Тоя же ноци объявлено епископу, яко был святой Андрей-апостол, который для избавления его во образе страннаго путника показался. Епископ же тогда наипаче любов и молитвы ко святому Андрею присовокупляя.

¹³ В ркп. над строкой. ¹⁴⁻¹⁵ Испр. в ркп. тем же почерком из завесь.
¹⁶⁻¹⁷ В ркп. выделено. ¹⁸⁻¹⁹ В ркп. выделено. ²⁰ Испр., в ркп. повее.